

В. А. ВЕРЕЩАГИНЪ

РУССКАЯ КАРИКАТУРА

III

А. О. ОРЛОВСКІЙ

САИЕТЪ ПЕТЕРБУРГЪ

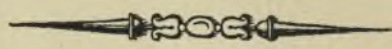
1915

<http://rcin.org.pl>

В. А. ВЕРЕЩАГИНЪ
РУССКАЯ
КАРМКАТУРА

III

А. О. ОРЛОВСКІЙ

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
Tel. 26-68-67

С. П. Б.
1913

Егозь Нагъдъ 1913

20.400

Автопортретъ Орловскаго.

АЛЕКСАНДРЪ ОСИПОВИЧЪ
ОРЛОВСКІЙ.

1777 — 1832

Въ числѣ художниковъ, работавшихъ въ Россіи, Александръ Осиповичъ Орловскій представляетъ, въ извѣстномъ отношеніи, блестящее исключеніе. — Свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности не ограничиваются, какъ у большинства русскихъ мастеровъ того времени, указаніемъ дня рожденія и смерти или сухимъ перечнемъ казенныхъ заказовъ. Объ Орловскомъ писали довольно часто и много, — достаточно, но крайней мѣрѣ, для основательнаго ознакомленія съ его оригинальной личностью и не менѣе оригинальнымъ талантомъ.

Это необычайное для русскаго художника общественное вниманіе едва ли объясняется однимъ его талантомъ. Не на-

ходить оно себѣ оправданія и въ какомъ либо исключительномъ общественномъ интересѣ къ искусству эпохи.

Въ смыслѣ художественнаго значенія, Орловскій въ исторіи русскаго искусства долженъ уступить мѣсто многимъ изъ своихъ предшественниковъ и современниковъ, жизнь которыхъ намъ, однако, менѣе извѣстна.

Общественный же интересъ къ искусству у насъ въ былое время совершенно отсутствовалъ. Даже Екатерина Великая, заслуги которой въ этомъ отношеніи громадны, — искренней любви къ искусству и способности къ тонкой его оцѣнкѣ никогда не обнаруживала. Ни въ чемъ не проявляли этой способности и всѣ ея преемники.

Но если ни значеніе Орловскаго, ни наличность общественного интереса къ жизни современнаго ему міра искусства не оправдываютъ такого освѣщенія его личности, то не слѣдуетъ ли, съ большимъ, быть можетъ, основаніемъ искать причины популярности художника въ томъ положеніи, которое онъ занималъ въ Петербургскомъ свѣтѣ.

Положеніе это Орловскій пріобрѣлъ, благодаря поддержкѣ Великаго Князя Константина Павловича, открывшей ему двери высшаго столичнаго общества. А двери эти мало доступны лицамъ вольныхъ профессій, не обладающимъ, обыкновенно, ни знатностью рода, ни замѣняющей ее вѣвской званій, орденовъ и чиновъ.

Въ свѣтѣ Орловскій былъ принятъ любезно и ласково, о немъ заговорили, онъ сталъ извѣстенъ Двору. Его личность и творчество получили, такимъ образомъ, распространеніе въ тѣхъ именно общественныхъ слояхъ, жизнь которыхъ всегда привлекала исключительное вниманіе, за недостаткомъ болѣе широкихъ интересовъ.

Таково наиболѣе вѣрное, на мой взглядъ, объясненіе разнообразія имѣющихся о личности Орловскаго свѣдѣній. Разсмотрѣніе этихъ свѣдѣній и разборъ его художественной дѣятельности составляетъ предметъ настоящаго очерка.

Красивая легенда связана съ дѣтскимъ выступленіемъ Орловскаго на художественное поприще. Княгиня Изабелла Чарторыжская, урожденная Огинская, проѣзжая че-

резъ городъ Сѣдлецъ, заѣхала въ первую попавшуюся корчму переодѣнуть платье. Стѣны каморки, въ которой переодѣвалась княгиня, оказались испещренными всевозможными рисунками углемъ и мѣломъ. Необычайная фантазія ихъ содержанія и смѣлая, хотя дѣтская, техника привлекли ея вниманіе, и она, выходя изъ корчмы, пожелала узнать имя плодовитаго ихъ автора. Ей привели малолѣтняго сына корчмара, Александра Орловскаго. Бойкій мальчишка понравился княгинѣ и она тутъ же упросила мужа отдать его въ ученіе къ извѣстному тогда въ Варшавѣ живописцу Норблену.

Французскій художникъ Norblin de la Gourdain, прожившій въ Варшавѣ тридцать съ лишнимъ лѣтъ, сыгралъ въ польскомъ искусствѣ ту же видную роль, какая у насъ выпала на долю Венеціанова, а отчасти и того же Орловскаго.

Отказавшись отъ господствовавшихъ до него условныхъ идеаловъ религіозно-мифологической живописи, онъ первый началъ искать вдохновенія въ дѣйствительной жизни и, притомъ, въ жизни того простого народа, значеніе котораго возрастало въ распадающейся Польшѣ, по мѣрѣ наступавшей демократизаціи польскаго общества и политическаго упадка страны.

Поэтъ деревни и улицы, Норбленъ не пренебрегалъ и бытомъ высшаго свѣта, и въ своихъ маленькихъ сценкахъ такъ же правдиво и тонко передавалъ типы идиотовъ, нищихъ, калѣкъ, уродовъ и мелкихъ шляхтичей, какъ и миниатюрные портреты польской знати. Вся жизнь польскаго общества конца XVIII вѣка, и особенно низшихъ его слоевъ,

отразилась, какъ въ зеркалѣ, въ правдивыхъ и глубоко продуманныхъ композиціяхъ французскаго мастера.

«Monsieur Norblin», — писалъ Fortia de Piles въ 1796 году, въ своемъ Voyage de deux français, — «fait des gouaches et des dessins charmants; il a beaucoup d'imagination, et ses ouvrages présentent souvent une multitude de figures, qui toutes ont leur caractère et leur expression. C'est un homme d'un vrai talent dans son genre».

По тому же пути, вслѣдъ за учителемъ, направилась и созданная имъ школа, заимствовавъ не только источники его вдохновенія и художественные взгляды, но и свойственные ему техническіе приемы — умѣнье съ удивительнымъ мастерствомъ воплощать отличительныя особенности изображаемаго сюжета въ смѣломъ, эскизномъ, часто неоконченномъ штрихѣ, или увѣренномъ мазкѣ.

Изъ учениковъ Норблена, Орловскій оказался наиболѣе способнымъ, проявивъ, къ тому же, въ своихъ первыхъ самостоятельныхъ работахъ незаурядный талантъ къ художественному осмѣянію дѣйствительности. Подъ вліяніемъ строго-реалистическаго направленія школы Норблена, сатирическая сторона его таланта развилась и окрѣпла. Въ этомъ отношеніи, онъ легко переступилъ ту незамѣтную грань, которой отличается реальное изображеніе дѣйствительной жизни отъ сознательнаго выставленія ея пошлыхъ сторонъ. И этотъ переходъ отъ жизненной правды къ карикатурѣ, такъ часто на самомъ дѣлѣ сливающихся, дался Орловскому тѣмъ быстрѣе и легче, что онъ обладалъ врожденной къ художественной сатирѣ склонностью.

Въ школѣ, эта склонность обнаружилась въ безчисленныхъ карикатурахъ на товарищей и на самого Норблена. Но добродушный юморъ Орловскаго никого не задѣвалъ; товарищи первые смѣялись надъ его шутками, смѣялся и учитель, поправляя остроумные рисунки. Норбленъ, замѣтивъ въ немъ недюжинныя способности, обратилъ на него особенное

Суворовъ въ походѣ.

вниманіе и очень скоро къ нему привязался, доказавъ впоследствии, неоднократно, свою привязанность на дѣлѣ. Онъ искренно гордился Орловскимъ и надѣялся увидѣть въ немъ достойнаго преемника тѣхъ художественныхъ традицій, которыя самъ стремился съ такимъ талантомъ и энергіей насадить въ искусство второй своей родины. Но Норбленъ не считался съ эксцентричностью и необычайнымъ темпераментомъ даровитаго ученика.

Всякая борьба старыхъ и новыхъ теченій создаетъ въ общественной жизни хаотическую, а иногда и уродливую почву. Выбывающіеся на свѣтъ новые идеалы и вѣрованія, сталкиваясь съ недостаточно подготовленной для ихъ воспріятія обстановкой, часто выливаются въ какую то странную «полу-культуру», въ которой мирно укладываются самыя противоположныя явленія. Подобную полу-культуру переживало русское общество конца XVIII и начала XIX столѣтія. Заимствуя отъ Европы ея обычаи и нравы и стремясь съ лихорадочной поспѣшностью ей подражать, русскіе люди того времени съ немалымъ трудомъ отрѣшались отъ вѣкового уклада своихъ дѣдовъ и прадедовъ, и, въ стремленіи соединить невозможное — крѣпостное самодурство съ европейскимъ лоскомъ, готовыя рухнуть понятія съ смѣнявшими ихъ вѣяніями, впадали въ постоянныя противорѣчія.

Такимъ отсутствіемъ стойкости нашей общественной жизни и наступавшей перемѣной ея виѣшней оболочки, въ ущербъ національной самобытности, и объясняется, быть можетъ, наиболѣе вѣроятно, та характерная, именно, этой эпохѣ особенность, которая выражается въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ общественнаго юродства.

Отъ Суворова и бригадира Брызгалова до «Ленотра» Песковъ и «пріятнѣйшаго домовладѣльца» Ганина, или Саввы Яковлева, проходятъ передъ нами, въ теченіе цѣлаго вѣка, какіе то странные облики русскихъ людей, оригиналовъ-самодуровъ, для которыхъ самая безграничная фантазія и непо-

нятные причуды казались совершенно естественными. Къ ихъ числу принадлежитъ и Орловскій, — полякъ по рожденію и русскій по творческой дѣятельности.

Легендарная личность Орловскаго словно соткана изъ самыхъ непримиримыхъ противорѣчій. Атлетъ и неврастеникъ, солдатъ и паяцъ, романтикъ и циникъ, атеистъ, рисовавшій библейскіе сюжеты, и весельчакъ съ порывами безумнаго отчаянія, онъ въ жизни признавалъ одинъ только законъ — одну только вольную волю фантазіи. Молодость художника прошла въ самыхъ невѣроятныхъ приключеніяхъ, зрѣлость — въ самыхъ странныхъ чудачествахъ. Темпераментъ часто замѣнялъ ему въ творествѣ школу, въ жизни — разумъ и логику. Въ постоянномъ исканіи новыхъ ощущеній, Орловскій провелъ свою бурную жизнь въ непрерывномъ и красочномъ экстазѣ. Безконечно далекъ такой экстазъ отъ спокойной уравновѣшенности намъ современной культуры. Но есть что-то увлекательное и заманчивое въ его страстной тревогѣ, въ безшабашномъ размахѣ славянскаго удалого молодчества, въ воплощеніи порыва.

Безпокойный темпераментъ Орловскаго началъ проявляться съ самой ранней его юности. Въ 1794 году, 17-ти лѣтнимъ недоучившимся юношей, онъ, несмотря на просьбы п увѣщанія Норблена, бросаетъ ученіе и школу и поступаетъ въ ряды королевскаго войска.

Въ польскомъ королевствѣ, не вполнѣ еще утратившемъ самостоятельности, происходили въ то время безпорядки и смуты. Окрыленная стремленіемъ возстановить

былое величіе родины, вся молодежь стекалась подъ королевскія знамена.

Примѣру сверстниковъ послѣдовалъ и Орловскій, съ избыткомъ обладавшій всѣми качествами хорошаго солдата: здоровьемъ, крѣпостью организма, необычайной физической силой, мужествомъ и бодростью духа. Едва ли, однако, одинъ патріотическій пылъ руководилъ его благороднымъ порывомъ. Вся обстановка дальнѣйшей его жизни не говоритъ въ пользу подобнаго предположенія. Интересы собственной личности всегда имѣли въ глазахъ Орловскаго слишкомъ большое значеніе, чтобы уступить мѣсто чувству патріотическаго альтруизма. Его очевидно увлекала къ такой внезапной перемѣнѣ обстановки — жажда славы, страсть къ приключеніямъ и свойственная ему неугомонная неусидчивость.

Какъ бы то ни было, но Орловскій показалъ себя на войнѣ съ самой лучшей стороны, приводя въ изумленіе необыкновенной отвагой даже закаленныхъ въ бояхъ ветерановъ. Опасно раненый въ битвѣ при Зегржѣ, онъ отсталъ отъ арміи въ Ломжѣ, откуда, черезъ нѣсколько времени, едва излечившись, направился обратно въ Варшаву. Но до города Орловскій не доѣхалъ. Остановившись въ какой то корчмѣ, въ предмѣстьѣ Варшавы, у Вольскихъ рогатокъ, онъ началъ вести тамъ разгульную жизнь, въ которой главную роль играли женщины, карты и вино. Въ такомъ туманѣ безшабашнаго веселья прошло нѣсколько мѣсяцевъ и неизвѣстно, что бы случилось съ талантомъ Орловскаго, если бы его не выручилъ Норбленъ, котораго онъ, къ немалому своему удивленію, увидѣлъ, какъ то разъ, входящимъ въ корчму въ самый разгаръ веселой пирушки. Оказалось, что старый учитель, случайно узнавъ о безпорядочномъ поведеніи любимаго ученика, отправился за нимъ въ поиски.

Встрѣча была трогательная. Норбленъ, обнимая Орловскаго, началъ его уговаривать измѣнить образъ жизни, на что тотъ согласился съ неожиданной легкостью. Однообразіе

непрерывныхъ кутежей ему, очевидно, надобно и въ постоянной погоиѣ за смѣной впечатлѣній, онъ не прочь былъ замѣнить ихъ чѣмъ бы то ни было, хотя бы возвращеніемъ къ ученической жизни. Орловскій оставилъ корчму и послѣдовалъ за Норбленомъ, увѣковѣчивъ свою оригинальную встрѣчу съ учителемъ, принадлежащей нынѣ помѣщику Люблинской губерніи Е. Соколовскому, картиной. Изображаетъ она внутренность корчмы; на стулѣ сидитъ самъ Орловскій въ мундирѣ Костюшкинскаго полка, съ молоденькой шинкаркой на колѣняхъ; тутъ же, облокотившись на столъ, на нихъ смотритъ въ задумчивости дряхлая старуха, — портретъ его учителя, Норблена.

Вернувшись въ школу, Орловскій снова отдался ученію и труду съ присущей ему характерной страстностью. Норбленъ не скрывалъ своего восторга передъ его самобытнымъ талантомъ. Это благополучіе продолжалось недолго. Черезъ нѣсколько времени Орловскій поссорился съ Норбленомъ, говорятъ польскіе біографы, не упоминая о причинахъ ихъ ссоры, и вторично оставилъ учителя.

И снова началась у него все та же безпорядочная жизнь: тѣ же кутежи и попойки со всякимъ сбродомъ людей подозрительныхъ, бродягъ, шарлатановъ, а потомъ — голодь, нужда и безработица.

Природная гордость не позволяла Орловскому обратиться за помощію къ Норблену, и онъ избралъ болѣе оригинальный выходъ изъ своего тяжелаго положенія. Сблизившись, на одной изъ пирушекъ, съ содержателемъ бродячаго балагана, итальянцемъ Кіарини, онъ присталъ къ его труппѣ и началъ развѣзжать по городу въ одеждѣ паяца, съ бубнами въ рукахъ, приглашая зѣвакъ любоваться заморскими хитростями и потѣшая ушцу остротами. Эта новая профессія Орловскаго продолжалась около года. Насмѣшки товарищей и просьбы добродушнаго Норблена, успѣвшаго забыть происшедшую между ними размолвку, заставили его бросить балаганъ и опять вернуться въ школу.

Сцена въ корчма.

Принятый снова Норбленомъ какъ родной, художникъ на время успокоился отъ житейскихъ тревогъ и, не думая болѣе о насущномъ хлѣбѣ, съ прежнимъ усердіемъ принялся за работу. Одной изъ первыхъ вещей, исполненныхъ имъ по вторичномъ возвращеніи къ учителю, была забавная акварель, въ которой онъ осмѣялъ свою годовую скитальческую жизнь. На тощемъ ослѣ сидитъ дюжій всадникъ, ноги котораго волочатся по землѣ. Этотъ всадникъ — самъ Орловскій. Онъ ѣдетъ въ костюмѣ уличнаго шута, въ рукахъ его — барабанъ; непрерывно сзываетъ публику на заманчи-

Въ дальнѣйшей скаго — Варшавскаго періода, встрѣчаютъ пробѣлы. Изъ разсвѣдѣній, мы узна-

таля у Бочарелли, придворнаго живописца Станислава-Августа и недурнаго портретиста, у гравера Фолино и у миниатюриста Лесѣра. Работать у этихъ мастеровъ онъ могъ, очевидно, только по окончаніи школы Иорблена, но свѣдѣній о томъ, когда именно онъ окончилъ у него ученіе, его біографіи не содержатъ. Во всякомъ случаѣ, по другимъ, болѣе точно опредѣленнымъ, событіямъ его жизни, можно придти къ заключенію, что онъ занимался у Бочарелли, Фолино и Лесѣра самое короткое время.

Такое метаніе отъ одного занятія къ другому, вполнѣ отвѣчавшее характеру Орловскаго, объяснялось еще и желаніемъ усовершенствоваться въ искусствѣ. Это послѣднее желаніе, о которомъ онъ неоднократно заявлялъ друзьямъ и знакомымъ, настолько имъ овладѣло, что онъ началъ мечтать о побѣздкѣ въ Италію, для продолженія ученья. Но для этого нужны были деньги, а ихъ то у Орловскаго не было. И вотъ, въ тревожной погонѣ за средствами, нашъ

ной трелью онъ шуеся у балагана вое представленіе. біографіи Орловскаго, по крайней мѣрѣ, ся значительные ныхъ отрывочныхъ емъ, что онъ рабо-

художникъ случайно знакомится съ богатымъ польскимъ магнатомъ, графомъ Юсифомъ Понятовскимъ. Это происходитъ въ началѣ 1799 года.

Понятовскій, заинтересованный его талантомъ и личностью, дѣлаетъ ему странное предложеніе, на которое, однако, тотъ охотно соглашается. Орловскій обязывается за дукать въ день, проживать въ имѣніяхъ Понятовскаго «Подъ бляхой», «Яблонѣвѣ» и «Неборѣвѣ» и развлекать собиравшееся тамъ высшее польское общество карикатурами и шутками. Художникъ получалъ, кромѣ того, по личной о томъ просьбѣ, верховую лошадь въ ежедневное пользованіе; — онъ былъ отличнымъ наѣздникомъ и любилъ бѣшеную скачку. Изъ потѣшавшаго улицу паяца и гаера, онъ превратился въ веселаго забавника салона Понятовскаго.

Но продержался Орловскій и въ этой роли недолго. Его свободолюбивая натура трудно мирилась съ неприглядной зависимостью; — черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже снова въ Варшавѣ, гдѣ получаетъ заказъ отъ нѣкоего Чацкаго и гравировать монеты для его книги: «О литовскихъ и польскихъ правахъ». Потерявъ, затѣмъ, заказъ за небрежное отношеніе къ работѣ и продолжая по прежнему мечтать объ Италіи, Орловскій рѣшается отправиться въ Литву, въ надеждѣ заработать тамъ деньги на путешествіе продажей рисунковъ богатымъ польскимъ помѣщикамъ. Въ Литвѣ онъ странствуетъ около полтора года. Подробностей объ этихъ странствованіяхъ не сохранилось, и нѣкоторые изъ его біографовъ увѣряютъ даже, что онъ не отлучался изъ Варшавы.

Между тѣмъ, пребываніе Орловскаго въ Варшавѣ, въ виду порядочной уже къ тому времени извѣстности его личности, едва ли могло пройти незамѣченнымъ. Съ другой стороны, художникъ, вспоминая въ послѣдствіи свою молодость, на распросы друзей по поводу поѣздки въ Литву, всегда отдѣлывался шутками.

Можно, такимъ образомъ, скорѣе придти къ заключенію, что онъ, дѣйствительно, ѣздилъ по Литвѣ, въ поискахъ заработка, но что побѣдка ему не удалась. Во всякомъ случаѣ, рисунки Орловскаго изъ эпохи Литовскихъ скитаній намъ неизвѣстны, и это обстоятельство, въ связи съ только что приведенными соображеніями, можетъ дать основательный поводъ подозрѣвать, что художникъ, не найдя въ Литвѣ примѣненія своему таланту, зарабатывалъ тамъ пропитаніе, — какъ это уже не разъ съ нимъ бывало, — другими занятіями, ничего общаго съ профессіей не имѣющими. Можетъ быть, эти занятія были не особенно почетны и лестны, чѣмъ и объясняется его упорное нежеланіе о нихъ говорить.

Вернувшись изъ Литвы въ Варшаву, вѣроятно, въ концѣ 1801 года, Орловскій сошелся въ началѣ 1802 года съ продавцомъ картинъ, итальянцемъ Фьетти, и, разставшись съ мечтой объ Италіи, отправился съ нимъ въ Петербургъ. Онъ не возвращался болѣе на родину. Съ этихъ поръ начинается второй періодъ его артистической дѣятельности, самый плодотворный и блестящій, — Петербургскій періодъ.

Орловскій переѣхалъ въ Петербургъ вполне законченнымъ художникомъ и хотя его техника несомнѣнно совершенствовалась, но главныя направленія его творчества — жанръ и карикатура остались неизмѣнными, съ той только разницей, что польскіе сюжеты уступили мѣсто сюжетамъ русскимъ. За то рѣзко измѣнилась его жизнь. Судьба, словно сжалившись надъ бездомнымъ скитальцемъ, приготовила блестящее возмездіе.

Орловскій въ нѣсколько мѣсяцевъ добился въ Петербургѣ всего того, что въ теченіе долгихъ лѣтъ ему такъ упорно не давалось на родинѣ, — матеріальной обезпеченности и громкаго имени.

Снабженный рекомендательными письмами къ проживавшимъ въ столицѣ землякамъ, художникъ, по пріѣздѣ, познакомился съ графомъ Валицкимъ и княгиней Радзивиль, которые представили его, между прочимъ, Великому Князю Константину Павловичу.

Эта случайность имѣла въ жизни художника рѣшающее значеніе. Великій Князь, осмотрѣвъ привезенныя Орловскимъ акварели и рисунки — военныя и жанровыя сцены, — предложилъ ему съ характерной для него внезапной рѣшимостью, мѣсто придворнаго при немъ живописца, хорошее жалованье изъ собственныхъ средствъ и помѣщеніе въ Мраморномъ Дворцѣ. Обязанности художника должны были состоять «въ исполненіи требованій Великаго Князя, заказывавшаго ему разные рисунки къ предметамъ, относившимся до образованія и преобразованія русской арміи и до современныхъ событій, въ которыхъ она со славою участвовала». Орловскій съ радостью принялъ предложеніе и поселился во дворцѣ, гдѣ остался жить и по отѣздѣ Константина Павловича въ Варшаву, въ 1815 году.

По разнымъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, художникъ вскорѣ сталъ лично извѣстенъ Императору Александру, а впоследствии и Николаю Павловичу, который, будто бы, особенно къ нему благоволилъ.

«Былъ при Дворѣ, въ придворной сферѣ»,

говорить про него Мидкевичъ въ «Панѣ Тадеушѣ». А нѣкоторые изъ его біографовъ увѣряютъ даже, что оба Государя возлагали на него, за опредѣленное жалованье, ежемѣсячное исполненіе рисунковъ изъ русской военной жизни. Такіе рисунки, — акварели съ монограммой художника, хранятся, дѣйствительно, и до сихъ поръ, въ довольно значительномъ ко-

Часовые Петропавловской крепости.

личествѣ, въ Собственной Его Императорскаго Величества библиотекѣ. Изображаютъ эти акварели исключительно военныя формы и помѣчены 1807 — 1817 годами. Никакихъ, однако, доказательствъ, что онѣ исполнены, именно, для Императорскаго Двора, а не для Великаго Князя Константина Павловича, въ дѣлахъ библиотеки не имѣется.

Но успѣхъ Орловскаго не ограничивался придворными сферами и Петербургскимъ обществомъ. Его работы получаютъ распространение и за границей, благодаря, главнымъ образомъ, послу Наполеона, Коленкуру, который ему заказываетъ цѣлую серію картинъ и рисунковъ изъ быта сѣверныхъ народовъ. Охотно покупаютъ его произведенія и въ Англіи, при посредствѣ извѣстнаго въ то время типографа-издателя Плюшара и книгопродавца Роспини.

«Cet artiste», сообщаетъ Grandville — «a conquis une réputation européenne, que justifient la grâce et l'esprit de ces piquantes compositions; ses tableaux populaires, ses caricatures, ses chevaux, ses soldats sont très recherchés des amateurs et payés au poids de l'or. Doué d'une prodigieuse facilité, il est capricieux comme tous les grands talents».

Въ 1809 году, Орловскій за картину «Бивуакъ казаковъ» получаетъ званіе академика баталической живописи. Мода на художника идетъ, возрастая; онъ не успѣваетъ справляться съ многочисленными заказами, всѣ желаютъ обладать его работами и платятъ за нихъ большія деньги. За маленькую акварель, изображающую шеренгу солдатъ и представленную Государю, по имъ не принятую, за то, что, по его мнѣнію, у одного изъ солдатъ не хватало ноги, какой то Англичанинъ предлагалъ 500 р., несмотря на то, что акварель была совершенно испорчена. — Орловскій, вернувшись съ отказанной работой домой, съ досады швырнулъ ее на накрытый обѣденный столъ и она оказалась залитой какимъ-то соусомъ.

Популярность художника настолько велика, что бывали случаи, когда, нуждаясь въ какомъ нибудь предметѣ домаш-

няго обихода и не имѣя подъ рукою денегъ, онъ посылалъ въ тотъ или другой магазинъ тутъ же исполненный набросокъ и всегда получалъ за него, безъ отказа, все, что ему требовалось. Орловскій, увѣряетъ тотъ же Мицкевичъ,

«Жилъ въ Петербургѣ, въ полной мѣрѣ,
Какъ жить не могъ бы и въ раю».

И, дѣйствительно, только съ переѣзда въ Петербургъ, наступаетъ эта «полная мѣра» его жизни, которую онъ и начинаетъ вести съ свойственнымъ ему широкимъ размахомъ.

Орловскій отличался привлекательной внѣшностью. Онъ былъ высокаго роста, имѣлъ характерное и мужественное лицо, окаймленное густыми, симметрично подстриженными бакенбардами и носилъ такіе же коротко подстриженные усы. Смотрѣлъ онъ всегда прямо и открыто въ глаза, слегка подымая голову; онъ былъ широкъ въ плечахъ, а въ талии тонокъ, какъ дѣвушка, обладалъ нескрушимымъ здоровьемъ и выдающеюся физической си-

лой. Ни труды, ни бурно проведенная во всевозможных излишествах жизнь не разслабляли его организма. А о физической силѣ художника, другъ его Смаковскій передаетъ, что онъ легко сгибалъ довольно толстую желѣзную полосу подъ прямымъ угломъ, или обматывалъ ею большой палецъ лѣвой руки, послѣ чего снималъ ее съ пальца, какъ бы въ видѣ бурава. Онъ могъ схватить двухъ людей за шиворотъ и, держа ихъ, вертѣть ими въ воздухѣ безъ малѣйшаго напряженія.

Одѣвался Орловскій въ высшей степени странно. Онъ имѣлъ исключительное пристрастіе къ моднымъ въ то время восточнымъ костюмамъ: грузинскимъ, персидскимъ, курдскимъ и т. д., которые очень шли къ его красивой фигурѣ и особенно любилъ одежду черкесовъ, не стѣсняясь показываться въ такомъ видѣ по улицамъ Петербурга и пѣшкомъ и верхомъ. Ему, нерѣдко, при этомъ сопутствовали два его камердинера: одинъ — желтолицый, узкоглазый калмыкъ, въ своемъ родномъ одѣяніи, а другой — черный, какъ смоль арабъ въ широкихъ шальварахъ, курткѣ и чалмѣ. Носилъ онъ также и темно-синій контушъ съ висячими рукавами, одѣвая подъ нимъ все ту же черкесскую куртку вишневаго цвѣта, съ рукавами въ обтяжку, при чемъ ноги обувалъ въ красные сапоги. Въ такихъ фантастическихъ одѣяніяхъ, которыя онъ, къ тому же, часто мѣнялъ, принималъ онъ у себя и гостей.

По средамъ и субботамъ, въ Мраморномъ Дворцѣ, въ его великолѣпной квартирѣ, богато убранной разными рѣдкостями: картинами, статуями, рыцарскими доспѣхами и оружіемъ, итальянскимъ фаянсомъ XVI вѣка и разными другими предметами искусства, которые онъ началъ страстно коллекционировать — собиралось къ обѣду каждый разъ не менѣе тридцати человекъ изъ близкихъ друзей и знакомыхъ.

Самое разнообразное и смѣшанное общество пользовалось его радушнымъ гостепріимствомъ. У Орловскаго можно

было встрѣтить, безъ различія возрастовъ, сословіи и состояній, въ самомъ тѣсномъ и странномъ общеніи, представителей высшаго Петербургскаго свѣта, артистовъ и артистокъ, фабрикантовъ, модистокъ, ювелировъ, зубныхъ врачей, пріѣзжихъ иностранцевъ, отставныхъ камердинеровъ Екатерининскихъ вельможъ и даже ихъ устарѣвшихъ любовницъ. Веселый и прекрасный собесѣдникъ, обладавшій преимущественно застольнымъ краснорѣчіемъ, Орловскій обращался со всѣми одинаково привѣтливо. Въ его домѣ себя чувствовали на равной ногѣ, безъ стѣсненій; никто не стыдился ни профессій, ни прошлаго, ни общественнаго положенія.

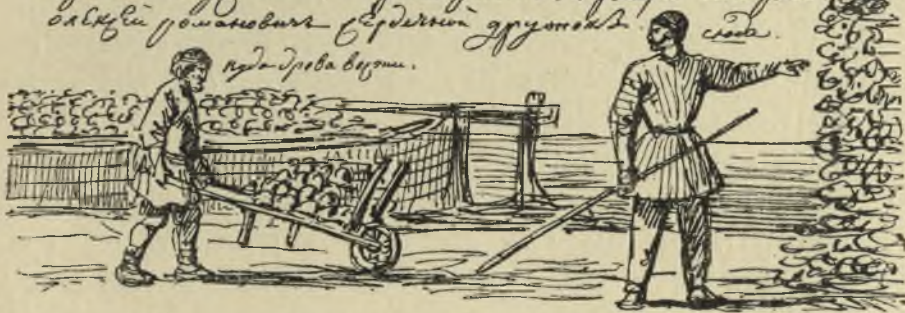
Художникъ и самъ много показывался въ обществѣ, то веселясь съ молодежью и принимая дѣятельное участіе въ попойкахъ и крупной карточной игрѣ, то вращаясь среди высшаго Петербургскаго свѣта, въ которомъ у него были прочныя и дружескія связи. Онъ былъ знакомъ съ графомъ Ѳеодоромъ Толстымъ, очень цѣнившимъ его дарованія, съ княземъ Сапѣгой, у котораго встрѣчался съ Мицкевичемъ, дружилъ съ Ленинымъ, съ однимъ изъ Нарышкиныхъ, съ которымъ неоднократно ѣздилъ по Россіи, останавливаясь по долгу въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ и внимательно изучая русскіе нравы и обычаи. Около 1805 года, Орловскій сблизается съ извѣстнымъ покровителемъ художниковъ А. Томіловымъ, проводитъ нѣсколько лѣтнихъ сезоновъ въ его имѣніи «Успенскомъ», пишетъ забавныя письма, рисуетъ членовъ семьи, мужиковъ, сосѣдей и знакомыхъ. Гоститъ онъ также довольно часто и въ имѣніи Ершовыхъ, подѣ Москвой, гдѣ, между, прочимъ, даетъ владѣльцамъ уроки рисованія.

Неизсякаемая жизнерадостность художника, его веселое остроуміе, прекрасныя формы, знаніе языковъ, которымъ онъ какимъ то загадочнымъ образомъ успѣлъ научиться въ Петербургѣ, и всѣмъ извѣстный талантъ привлекали къ нему общія симпатіи. Обладая чисто національной глбкостью и умѣньемъ приспособляться къ окружавшей его обстановкѣ,

Карикатуры, пейзажи и сценки.

Ne comptant pas sur la surprise agréable que vous avez de me
 voir Monsieur Tsimloff en m'envoyant 20 saques de bois qui ont
 arrivés bien à propos pour me réchauffer que le Neptune de Comaral
 Ladova m'a servi, mais que je me suis très-mallement passé ma conduite
 envers vous, ayant été malade tout le temps que j'ai le plaisir de
 passer dans vos domaines et pas conséquemment n'ayant pu remplir
 ma promesse. Je en vous écris donc que quelques mots pour vous
 remercier de vos bontés personnelles, en vous assurant qu'au sujet que
 mon Rhume, Rhumatisme, humors et autres complications de
 maux m'ont été pour les quels j'ai été obligé de m'appliquer en Russie
 tout au bras gauche qui me gêne horriblement, en permettant de
 travailler, je en prendrai le plaisir que pour votre service, afin de
 tenir engagé envers vous quoiqu'un peu tard, mais comme dit
 le proverbe il n'est jamais trop tard de bien faire surtout lorsque
 l'amitié vous dirige et comptant beaucoup sur la votre vous en passe.
 Pourrai mon dilecti en faire un motif. Je vous prie de présenter
 mes respects à votre chère famille et n'oubliez pas, Spiritum mercatorum
 je vous embrasse de tout mon cœur adieu. ambrakly de ma part avec
 tout cher philosphes ainsi que la chère épouse, Мръан пръдъмъ, пръдъмъ пръдъмъ
 догъдъмъ догъдъмъ, а пръдъмъ габъдъмъ. Пръдъмъ догъдъмъ
 олъкъдъ догъдъмъ пръдъмъ догъдъмъ. свѣдѣ.

Орловскій также непринужденно себя чувствовалъ въ велико-
 свѣтскихъ Петербургскихъ салонахъ, какъ и въ еврейскихъ
 корчмахъ, въ которыхъ онъ проводилъ свою молодость. Въ
 этомъ внѣшнемъ блескѣ, въ ширинѣ размаха, въ нестарѣю-
 щемъ пылѣ и вѣчно-юной впечатлительности, въ быстрой
 переměнѣ настроеній отразились въ его личности распола-

гающія особенности польскаго характера. У него были и тѣневныя его стороны.

Орловскій былъ тщеславенъ. Сынъ простаго корчмаря подписывалъ свои произведенія «А. d'Orlovsky» и держалъ у себя въ комнатѣ живаго орла, которому, вмѣсто клітки, отведена была цѣлая длинная галлерей и изображеніе котораго почему то красовалось въ, очевидно, вымышленномъ гербѣ. Назывался этотъ гербъ «Орля» и представлялъ въ красномъ полѣ чернаго орла съ отсѣченною головою; вмѣсто головы на нѣкоторомъ возвышеніи надъ шеєю красовалась звѣзда. Художникъ гордился своимъ гербомъ.

Онъ былъ очень надокъ до лестн и охотно выслушивалъ даже неумѣренныя ея выраженія; присутствіе толпы поклонниковъ и хоръ преувеличенныхъ похвалъ особенно вдохновляли его творчество.

Съ чисто польской самовлюбленностью, онъ, въ оцѣнкѣ своей личности, значительно превосходилъ свойственную каждому мѣру нормальнаго преувеличенія. И это свойство доказывается какъ нескрываемымъ самодовольствомъ, такъ и безчисленными автопортретами, о которыхъ, кстати сказать, говорили, что онъ рисуетъ ихъ не «самъ съ себя», а «самъ на себя», — до того они были несхожи.

Разъ какъ то, рассказываетъ тотъ же Смаковскій, когда Орловскій съ обыкновенной желчью отзывался о профессорахъ Академіи Художествъ, онъ замѣтилъ ему, что тѣ же профессора, которыхъ онъ судитъ такъ строго, отдають ему должное и, вполнѣ признавая за нимъ крупный талантъ, замѣчаютъ лишь, что онъ напрасно сажаетъ всѣхъ своихъ героевъ: Наполеона, казака, калмыка, черкеса всегда на лошадь одной и той же казацкой породы. Орловскій разсердился.

— «Что же страннаго», замѣтилъ онъ, «если я сажаю Наполеона на казацкую лошадь. Лошадь всегда останется лошадью, турецкая ли она или арабская, все дѣло въ томъ, какъ она нарисована. Теперъ вездѣ хвалять лошадей Vernet,

а что въ нихъ? Онѣ черезъ-чуръ эlegantны, выдresированы и похожи на дѣвushку, затянутую въ корсетъ: у меня главное — природа, я рисую ту лошадь, которую вижу и сажаю на нее, кого придется — Наполеона, такъ Наполеона, калмыка, такъ калмыка. А что цѣнить мой талантъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго. Они могутъ быть плохими художниками и умными цѣнителями искусства». — Подобныя сужденія можно было слышать отъ Орловскаго довольно часто.

Его болѣзненное самолюбіе проявилось, между прочимъ, и въ другомъ, довольно типичномъ также, случаѣ. Однажды художникъ предпринялъ, по исключенію, большую картину — переходъ черезъ Альпы россійскихъ войскъ въ итальянскую кампанію, въ намѣреніи поднести ее Императору Николаю черезъ начальника Главнаго Штаба (впослѣдствіи Министра Двора) князя Петра Волконскаго. Орловскій работалъ съ большимъ усердіемъ нѣсколько мѣсяцевъ надъ тщательной отдѣлкой своего произведенія, которое, по окончаніи, было всѣми единогласно признано заслуживающимъ почетнаго мѣста въ Царской галлерей. Одинъ Волконскій оказался совершенно противоположнаго мнѣнія. Разсматривая картину, онъ замѣтилъ въ обмундировкѣ солдатъ «важнѣйшій» на его взглядъ недостатокъ, — на мундирахъ было одной пуговицей больше, чѣмъ полагалось по закону. Онъ не только отказалъ въ поднесеніи картины Государю, но и сдѣлалъ художнику строгій выговоръ за промахъ. Орловскій взялъ ножъ и тутъ же изрѣзалъ на мелкіе куски всю картину, стоившую ему громаднаго труда.

Въ одномъ, однако, недостаткѣ, столь свойственномъ громадному большинству его сородичей, Орловскаго упрекнуть было нельзя. Въ немъ не было ни той искательной «ласкавости», ни той заносчивой наглости, которыя служатъ отличительной чертой обращенія поляка съ окружающими людьми, въ зависимости отъ общественнаго ихъ положенія. Онъ былъ человѣкомъ искреннимъ и прямымъ, и если не уклонялся отъ расточаемой ему лести, то самъ никогда угодливымъ не

былъ, защищая, когда нужно, съ большой независимостью свое личное достоинство.

Очень характерно въ этомъ отношеніи его столкновение съ Великимъ Княземъ Константиномъ. Однажды, Великій Князь, передъ которымъ всё дрожали, за что то разсердившись, подошелъ къ нему со сжатыми кулаками и въ припадкѣ безпричиннаго гнѣва закричалъ: — «Ты знаешь ли, что я съ тобою сдѣлаю!» Орловскій выпрямился и самымъ хладнокровнымъ образомъ отвѣтилъ: — «А Вы знаете ли, Ваше Высочество, что сдѣлаю съ Вами я!» Великій Князь, не ожидавшій такого отвѣта, отпрыгнулъ на нѣсколько шаговъ и Орловскій докончилъ фразу: — «Я нарисую Ваше Высочество такимъ, какимъ тенерь вижу». Константинъ Павловичъ, несмотря на возбужденное состояніе, ионялъ значеніе этой угрозы, разсмѣялся, извинился и обнялъ художника, съ которымъ у него снова установились самыя лучшія отношенія.

Орловскій былъ женатъ два раза, оба раза на француженкахъ. Первый бракъ художника окончился невѣроятной трагикомедіей. Вотъ какъ передаетъ ее въ своихъ воспоминаніяхъ О. А. Пржецлавскій.

Молодые супруги обожали другъ друга, но долгое время оставались бездѣтными, что Орловскаго особенно огорчало. Вдругъ, въ концѣ четвертаго года супружества, жена сообщаетъ ему радостную вѣсть о томъ, что онъ скоро сдѣлается отцомъ. Художникъ въ восхище-

Польские танцы начала XIX вѣка.

ни. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ принимаются всевозможныя мѣры, чтобы уберечь Орловскую отъ несчастныхъ случайностей; беременность развивается правильно; врачъ Петербургскаго почтамта, докторъ Шибель и одна изъ лучшихъ акушерокъ посѣщаютъ каждый день будущую мать и всячески ее берегутъ. Наконецъ въ узаконенный природой срокъ, когда отлучавшійся по дѣлу Орловскій возвратился домой, жена съ гордостью показываетъ ему родившагося чрезвычайно счастливо въ его отсутствіе, прекраснаго, здороваго мальчика. Восторгамъ счастливаго художника не было конца. Мать сама хотѣла кормить свое дитя, но докторъ это рѣшительно ей запретилъ и привелъ выбранную имъ кормилицу. Мальчикъ положилъ счастливое начало; въ слѣдующій годъ появилась на свѣтъ дѣвочка, а за нею, въ слѣдующій срокъ, еще мальчикъ. Отецъ принужденъ былъ часто отлучаться изъ дому по дѣламъ своей профессіи и всѣ дѣти родились въ такое время, когда его не было дома; ни разу не удалось ему присутствовать при родахъ. Это его немного огорчало, но онъ утѣшался тѣмъ, что всегда заставалъ родильницу въ наилучшемъ состояніи здоровья, за что щедро вознаграждалъ доктора и акушерку. Докторъ не позволялъ Орловской кормить и для каждаго ребенка всякій разъ нанимаемы были кормилицы.

Такъ прошло болѣе трехъ лѣтъ. Орловскій былъ счастливѣйшимъ отцомъ семейства, съ свойственной ему порывистой страстностью не отходилъ отъ колыбели дѣтей и горячо ихъ полюбилъ, находя въ «Орлятахъ» сходство съ собой. И вдругъ, неожиданно, надъ этимъ безоблачнымъ счастьемъ разразилась гроза. Горничная его жены, поспорившись съ госпожей, пришла въ ея отсутствіи сказать хозяину, что всѣ трое малютокъ не его и не жены его дѣти. Орловская, какъ оказалось, не рожала ни разу, а дѣтей докторъ Шибель, по соглашенію съ акушеркой, поставлялъ изъ воспитательнаго дома. Въ подтвержденіе своего показанія,

предательница-горничная принесла цѣлую коллекцію кушаковъ съ ватными подушечками, представляющими постепенное развитіе мнимой беременности.

Можно легко себѣ представить безграничное разочарованіе художника. Вспыльчивый и самолюбивый, онъ немедленно же выгналъ жену изъ дому, съ нею развелся и дѣтей возвратилъ въ воспитательный домъ. По его настоянію, и докторъ и акушерка отданы были подъ судъ и наказаны. На слѣдствіи, однако, оказалось, что докторъ Шибель все это сдѣлалъ совершенно безкорыстно, изъ дружбы къ Орловскимъ, по неотступнымъ просьбамъ жены, хотѣвшей упрочить за собою любовь мужа и видѣть его въ семейномъ быту вполне довольнымъ и счастливымъ.

Второй разъ Орловскій женился на содержательницѣ Петербургскаго зоологическаго сада, вдовѣ Офенбергъ, урожденной Денебекъ. Художникъ часто ходилъ въ садъ, чтобы изучать движенія звѣрей, и писать съ нихъ эскизы. Однажды, пробираясь между зрителями, онъ случайно дотронулся до какой то женщины, стоявшей къ нему спиной и одѣтой въ простой черный салонъ. Ея наружности онъ не видѣлъ, но вдругъ къ ней почувствовалъ безумное влеченіе. Когда она обернулась, онъ увидѣлъ некрасивое и не молодое уже лицо, что не мѣшало ему съ ней тутъ же познакомиться, влюбиться и сдѣлать предложеніе.

Орловскій заставилъ свою невѣсту продать звѣрей, и черезъ нѣсколько недѣль на ней женился. Это была простая, невоспитанная женщина, которая у знакомыхъ художника носила кличку «львицы» и съ которой онъ прожилъ счастливо и согласно до смерти, оставивъ послѣ себя двухъ дѣтей: дочь Паулину, родившуюся въ 1826 году и вышедшую впоследствии замужъ за нѣкоего Богушевскаго, внука котораго жива и до сихъ поръ — и сына Юсифа, умершаго бездѣтнымъ.

Необъяснимыя, на первый взглядъ, послѣдствія такой неожиданной встрѣчи находятъ себѣ разгадку въ одной стран-

Перевзть на новую квартиру.

ной, свойственной личности Орловскаго, особенности, въ которой онъ признавался своему пріятелю Моравскому. Оказывается, что ни красота, ни чары женщинъ на него никакого дѣйствія не производили. Самыя красивыя и обаятельныя изъ нихъ дѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, чтобы возбудить въ немъ сильное чувство и всегда безуспѣшно. Иногда же, въ особенности въ толпѣ, онъ, дотрогиваясь случайно до какой нибудь женщины, лицо которой еле замѣчалъ, испытывалъ особенный, по его словамъ, симпатическій «флюидъ», возбуждавшій въ немъ сумасшедшее желаніе. Такой именно «флюидъ» онъ почувствовалъ и при случайной встрѣчѣ съ своей будущей женой. Этой оригинальной особенностью объясняется, между прочимъ, и то, что Орловскій, имѣя у женщинъ громадныя успѣхъ, что, при его талантѣ и наружности, было совершенно естественно, почти имъ не пользовался.

Закатъ жизни Орловскаго былъ неудаченъ. Послѣ смерти Великаго Князя, онъ потерялъ квартиру и жалованье и переселился на Пески, въ Орловскій переулокъ, ставшій впоследствии уллицей, быть можетъ даже названной въ его честь. Прекратились его роскошныя приемы; онъ долженъ былъ круто перемѣнить образъ жизни и во многомъ себѣ отказывать.

Но относился онъ къ этимъ рѣзкимъ перемѣнамъ привычной ему обстановки съ философскимъ добродушіемъ, не теряя своей

веселой жизнерадостности. Только вино сталъ онъ предаваться еще больше, да джигитовалъ, быть можетъ, нѣсколько чаще, чѣмъ прежде, по улицамъ столицы, на черкесскомъ конѣ, словно стремясь въ безсознательномъ туманѣ веселья и въ бѣшеной скачкѣ забыть постигавшія его горести.

Года за два до смерти онъ началъ прихварывать. Особенно давала себя чувствовать сердечная болѣзнь, которую онъ получилъ еще въ молодости, послѣ неудачнаго любовнаго приключенія. Пробираясь ночью по доскѣ въ комнату дочери каменщика, къ которой онъ иначе проникнуть не могъ, онъ оступился и упалъ съ громадной высоты. Эта болѣзнь усилилась въ Петербургѣ послѣ нервнаго потрясенія, испытаннаго имъ при спасеніи дѣтей отъ нападена разъяреннаго быка. Немало его взволновала и какая то крупная неприятность, которую онъ называлъ «стрѣлой свысока», не опредѣляя въ чемъ, именно, она заключалась. Всѣ эти невзгоды, въ связи съ надвигавшейся старостью, надломили его желѣзную натуру. Его другъ Моравскій, вернувшись въ Петербургъ послѣ долговременнаго отсутствія, былъ пораженъ происшедшей въ немъ перемѣной. Между ними произошла въ высшей степени характерная для Орловскаго сцена, съ внезапными, съ его стороны, переходами отъ предсмертнаго стона къ веселому смѣху, отъ карикатуры къ трагедіи.

Художникъ, при первомъ свиданіи съ Моравскимъ, бросился со слезами на глазахъ ему на шею и сказалъ:

— «Я думалъ, что никогда тебя не увижу, мой другъ, мой сородичъ, спаси меня, вся надежда моя на тебя, спаси не отъ смерти, отъ которой мы не уйдемъ, а отъ ужаснаго состоянія души, отъ убійственной тоски и отчаянія, которыя меня мучатъ во сто разъ хуже смерти. Я чувствую», прибавилъ онъ, ударя себя въ грудь, «что все оттуда», — и, сбросивъ съ себя въ одно мгновеніе одежду, показалъ свое тѣло.

Моравскій ужаснулся. Сердце Орловскаго, измѣнивъ положеніе, съ громадной силой било молотомъ въ ребра.

Неизвестный.

И. С. Брызгаловъ.

Неизвестный.

— «Такъ что нѣтъ спасенія?» спросилъ художникъ съ безконечной тревогой, замѣтивъ по выраженію друга, что положеніе его плохо.

— «Не безпокойся, спасеніе есть, но нужно терпѣніе, а ты такая горячка», пробовалъ утѣшать его Моравскій.

— «Читаю свой приговоръ въ твоихъ глазахъ и знаю, что я уже мертвый человѣкъ; не прижимай меня къ себѣ, ты прижимаешь трупъ», отвѣтилъ Орловскій.

Прошло нѣсколько секундъ, онъ уснокоился и началъ медленно одѣваться; и вдругъ, размѣявшись, добродушно и весело, сказалъ:

— «Eh bien, soit, marche pane Alexandre, marche! кричитъ на меня эта старая вѣдьма, костлявая смерть, которую сейчасъ тебѣ нарисую и изображу, какъ она точитъ на меня свои когти.» И тутъ же, на половину одѣтый, началъ рисовать смерть въ борьбѣ съ великаномъ, приговаривая:

— «Ну что же приходи, посмотримъ, кто испугается». Внимательно затѣмъ себя осматрѣвъ, онъ снова обратился къ Моравскому.

— «Смотри Моравскій, какія у меня жилистыя и мускулистыя руки, я не умирающій и могу еще сказать про себя, какъ Наполеонъ: — Oui, c'est encore moi».

Расширеніе сердца не давало, однако, надежды на выздоровленіе.

Въ августѣ 1831 года Орловскій обратился къ Государю съ ходатайствомъ о покупкѣ его собранія оружія и объ отпущкѣ за границу по разстроенному здоровью. Ходатайство это изложено въ письмѣ слѣдующаго содержанія:

«Sire, Je n'ai jamais rien demandé. Malade depuis un an, et possesseur d'un arsenal, qui fait mon unique fortune, je viens solliciter une faveur de Votre Majesté Impériale.

Elle eut la bonté de m'en faire proposer quatre vingt mille roubles, dans un temps où ma santé n'exigeait pas de sacrifice. Aujourd'hui, de l'aveu de tous les médecins, je dois voyager pour

tâcher de recouvrer les forces, qui seules peuvent me permettre de continuer mes travaux. J'ai eu l'honneur d'être pendant vingt-neuf ans au service de Votre Auguste Frère Constantin Cézarévitch de glorieuse mémoire et si j'éprouve de la peine à affliger le coeur de Votre Majesté en lui rappelant des regrets, j'ai aussi la sécurité que cette raison seule déterminera le succès de ma demande“.

Государь отнесся къ просьбѣ Орловскаго благосклонно, находя, однако, просимую имъ цѣну несоразмѣрной. Послѣ довольно долгихъ переговоровъ, его собраніе оружія было куплено за 65,000 р.; оно находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Въ другомъ прошеніи, поданномъ почти одновременно, но на имя Академіи, художникъ предлагалъ принадлежащую ему картинную галерею за 40.000 р., при чемъ жаловался, между прочимъ, на то, что, будучи съ 1809 года Академикомъ, что должно было предоставить ему чинъ Надворнаго Совѣтника, — числился все время въ 10-мъ классѣ.

На это послѣднее прошеніе оиъ, повидимому, окончательнаго отвѣта получить не успѣлъ, такъ какъ картины были проданы, уже послѣ его смерти, опекуномъ дѣтей.

2 марта 1832 года Орловскій скончался. За два дня передъ смертью, художникъ ослабѣвшей рукой нарисовалъ свою послѣднюю карикатуру, — споръ шляхтича съ евреемъ. Онъ умеръ отъ разрыва сердца, перебпрая безсонною ночью папку съ рисунками.

Характеризуя личность Орловскаго въ обѣ знакомыя намъ теперь эпохи его дѣятельности — Варшавскую и Петербургскую, мы видимъ жизнь, полную всевозможныхъ тревоженій, странную игру случая, смѣлую и упорную борьбу, чисто славянскую смѣсь порыва и охлаждения, разнузданность страстей, бурный вихрь темперамента.

Эти оригинальныя стороны духовной личности художника всецѣло отразились на его творчествѣ. Съ годами и матеріальнымъ обезпеченіемъ, жизнь измѣнила окраску, утративъ свой рѣзкій и кричащій колоритъ, но творчество осталось до конца такимъ же порывистымъ и бурнымъ, какъ по виѣшней своей формѣ, такъ и по внутреннему своему содержанию.

Громадное количество рисунковъ, исполненныхъ Орловскимъ, особенно за тридцатилѣтнее пребываніе въ Петербургѣ, не поддается и приблизительному подсчету.

Бери свой быстрый карандашъ,
Рисуй Орловскій почъ и свѣчу,

говоритъ Пушкинъ въ «Русланъ и Людмила». И этимъ «быстрымъ» карандашемъ, художникъ работалъ съ поразительной, дѣйствительно, скоростью, не пренебрегая, подчасъ, даже приѣмами профессиональнаго фокусника. Онъ то начиналъ иногда рисовать человѣческое тѣло съ пальцевъ ноги или лошадь съ копыта, то въ рядъ произвольно брошенныхъ точекъ врисовывалъ данную ему случайную тему. Эти фокусы нисколько не вредили достоинству его рисунка.

Рисовалъ онъ гдѣ и какъ придется: въ альбомахъ поклонниковъ, на обрывкахъ бумаги, на столахъ и стѣнахъ, если не было бумаги, рисовалъ фитилемъ только что обгорѣвшей свѣчи, такимъ же обгорѣвшимъ свернутымъ кускомъ промокательной бумаги, или пальцемъ, обмокнутымъ въ чернила, если не было карандаша.

Порывы и капризы его творчества часто проявлялись самымъ неожиданнымъ образомъ. Одинъ изъ его знакомыхъ, вернувшись какъ то разъ домой, замѣтилъ, къ своему удивленію, вбитый въ стѣну кабинета громадный гвоздь, котораго прежде не было. Подойдя онъ увидѣлъ, что онъ нарисованъ углемъ и узналъ руку Орловскаго, который, какъ оказалось, заходилъ къ нему въ его отсутствіе и, не заставъ дома, оставилъ такую оригинальную визитную карточку.

Въ другой разъ Орловскій обѣдалъ у своего пріятеля, извѣстнаго въ то время балетмейстера Дидло, который самъ къ обѣду опоздалъ. Вернувшись домой, послѣ того какъ уже всѣ встали изъ-за стола, проголодавшійся хореографъ, пыкій и взбѣшенный за какіе то безпорядки въ театрѣ, спросилъ чернильницу и бумагу и, въ нѣлу негодованія, опрокинулъ чернила на дубовый столъ. Орловскій воспользовался пятномъ и въ нѣсколько мгновеній нарисовалъ изъ него пальцемъ дикобраза.

Такой же столъ, покрытый множествомъ эскизовъ и рисунковъ, тоже исполненныхъ чернилами, при подобныхъ же приблизительно обстоятельствахъ, хранится до сихъ поръ въ семьѣ покойнаго историка Бильбасова.

Это кипучее творчество Орловскаго очень часто эксплуатировали друзья и знакомые. Выпросить у него рисунокъ было почти невозможно. Художникъ всегда отвѣчалъ отказомъ, часто даже рѣзкимъ, на всѣ непосредственно обращенныя съ этой цѣлью къ нему просьбы; онъ цѣнилъ свои работы очень дорого и продавалъ иногда нѣсколько штриховъ за сотни рублей. Былъ, однако, способъ получить ихъ совершенно даромъ. Слѣдовало только пригласить его въ многочисленное общество и положить на видномъ мѣстѣ, какъ бы случайно, нѣсколько листовъ бумаги и карандашъ или перо и чернильницу. Среди разговора необходимо было рассказать какой нибудь забавный анекдотъ или интересный случай, касающійся жизни и быта казаковъ, черкесовъ и польскаго простонародья или привести примѣръ храбрости польскихъ шляхтичей, съ выраженіемъ сомнѣнія или неувѣренности въ той или другой подробности ихъ быта, одежды, или нравовъ. Орловскій, быстро вскакивая съ мѣста, выражалъ свое мнѣніе и, если съ нимъ не соглашались, то говорилъ горячась и жестикулируя, что онъ докажетъ свою мысль не словами, а рисункомъ. Тогда ему немедленно подавали рисовальныя принадлежности, онъ принимался рисовать

Милі Пан Стронку Вудзугала
Прес Довида Дуркиго.

Хорунжий Вязжиго.

Архитекторъ Квареши.

и бросалъ уже не скоро, иногда работая нѣсколько часовъ подрядъ; нужно было только подсказывать различныя темы. И хозяинъ и гости набивали себѣ полные карманы его произведеніями.

Добродушной горячностью художника часто пользовались, между прочимъ, и прѣзжіе моряки-англичане. Орловскій любилъ море и большія водныя пространства. Капитаны и офицеры, стоявшихъ въ Кронштадтѣ англійскихъ пароходовъ, узнавъ объ этой страсти, зывали его къ себѣ на корабли, устраивали обѣды и ужины и вымогали у него такимъ путемъ безчисленное количество эскизовъ, которые продавали по высокимъ цѣнамъ въ Лондонѣ и даже въ Америкѣ.

Но на Орловскаго находили и порывы совершенно противоположнаго настроенія. Иногда онъ не бралъ цѣлыми недѣлями карандаша въ руки и отказывался отъ заказовъ, впадая въ какую то странную апатію, что навлекало на него даже упреки въ недостаткѣ трудолюбія. «Paresseux avec délice», говоритъ про Орловскаго упомянутый уже выше Grandville, «il ne se décide que très difficilement à travailler», а Великій Князь Константинъ Павловичъ называетъ его «лѣнливымъ прелѣпнымъ» и проситъ О. П. Опочинина «принудить его какъ можно скорѣе окончить работу».

Авторъ столькихъ тысячъ рисунковъ едва ли, однако, заслуживаетъ подобнаго упрека, и самъ художникъ горячо противъ него возставалъ. Отдавая Моравскому одинъ изъ своихъ альбомовъ, за нѣсколько дней передъ смертью, онъ ему сказалъ: — «Не потому я даю тебѣ эту книжку, чтобы ты здѣсь нашелъ что либо достойное вниманія, а для того, чтобы ты передалъ моимъ потомкамъ, что Орловскій не былъ лѣнтяемъ, что онъ учился длинной, усидчивой работой передавать «съ легкостью» предметы». И дѣйствительно, весь альбомъ былъ испещренъ самыми разнообразными этюдами съ разныхъ уличныхъ типовъ и сценъ, съ барокъ, лодокъ и кораблей, которыя онъ любилъ срисовывать, глядя изъ окна своего на

Неву, съ лошадей, изображеніемъ которыхъ онъ особенно славился, съ принадлежностей одеждъ и уборовъ и т. д.

Рисунокъ не составлялъ, однако, исключительной спеціальности артистической дѣятельности Орловскаго. Его талантъ, всегда подвижный и живой, не могъ сосредоточиться на какомъ либо опредѣленномъ приѣмѣ творчества. Онъ извѣстенъ не только какъ рисовальщикъ, но также какъ граверъ, литографъ и живописецъ. Первое изъ этихъ занятій было его настоящей профессіей, остальные — скорѣе забавой.

Граверныя его работы, преимущественно офорты, немногочисленны. Изображаютъ они ландшафты съ пасущимися лошадьми или коровами, военныя формы въ контурахъ, въ видѣ образцовъ для учениковъ Академіи, бамбошады, часто нецензурнаго свойства или грифонажи, сюжеты которыхъ — портреты, пейзажи и типы, — капризная фантазія художника оживляла случайными темами забавнаго содержанія. Одинъ изъ такихъ грифонажей съ портретомъ Д. А. Олсуфьева и карикатурой на извѣстнаго въ то время архитектора Кваренги, воспроизведенъ въ настоящемъ очеркѣ. Мѣнялъ, однако, художникъ кисть и карандашъ на рѣзецъ едва ли охотно. И это можно заключить какъ по незначительному количеству его граверныхъ работъ, такъ и по посредственному ихъ качеству. Въ гравюрѣ Орловскаго не чувствуется той любви и призванія къ дѣлу, которыя выступаютъ такъ наглядно въ громадномъ большинствѣ его рисунковъ.

Гораздо плодотвориѣ дѣятельность нашего мастера въ области литографіи. Изобрѣтеніе Зонненфельдера, начавшее примѣняться въ Россіи съ 1816 года, дало сильный толчекъ популярности художника въ широкихъ слояхъ русской публики. Рисунки Орловскаго, главнымъ образомъ, карикатуры и бытовые типы и сцены, часто исполненные имъ самимъ на камнѣ, распространялись въ литографическихъ оттискахъ въ столицахъ и провинціи во многихъ сотняхъ экземпляровъ.

Петербургский портной Буря (?).

Ему принадлежит честь быть авторомъ одной изъ первыхъ, появившихся у насъ, литографій. Изображаетъ она кавказскихъ всадниковъ и помѣчена мартомъ 1816 г.

Художникъ очень гордился, между прочимъ, тѣмъ, что «до сего времени никто не занимался въ Россіи рисованіемъ

на камнѣ въ столь большомъ видѣ». И, дѣйствительно, въ началѣ 1820-хъ годовъ, Орловскій выпустилъ цѣлую серію литографированныхъ жанровыхъ листовъ, значительно превосходящихъ по размѣрамъ всѣ появлявшіеся, до тѣхъ поръ, отпечатки съ камня. Эти листы издавались попарно въ обложкѣ и, несмотря на громадную по времени цѣну — 50 рублей ассигнаціями за выпускъ, очень быстро раскупались. Большой ихъ успѣхъ вы-

звалъ, между прочимъ, многочисленныя подражанія (Александровъ, Шимперъ, Танготъ, Ефимовъ и др.), на что художникъ приносилъ въ Академію Художествъ неоднократныя жалобы, прося оберечь его художественную собственность и выдать ему привилегію.

Первое изъ такихъ прошеній помѣчено 1824 годомъ. Орловскій въ немъ объясняетъ, что подражатели снимаютъ,

посредствомъ прозрачной бумаги, его литографированные рисунки, которые переводятъ затѣмъ на камень и продаютъ поштучно, выдавая за свои, «чѣмъ причиняютъ самому его таланту безчестіе». — «Имѣютъ они въ виду», говоритъ далѣе художникъ, «пріобрѣсти токмо деньги, а не честь, для которой, единственно, я самъ пожертвовалъ лучшимъ временемъ жизни». Отдавая себя въ заключеніе «подъ благодѣтельный покровъ правительства», Орловскій взываетъ къ соглашенію по этому предмету всѣхъ художниковъ, говоря, что, при такомъ единодушномъ ихъ согласіи и стремленіи воздать каждому, «по мѣрѣ таланта и достоинства, долѣемое почтеніе трудамъ его, художество достигнуть можетъ величайшей степени совершенства, ибо поощреніе къ неутомимой дѣятельности есть одно изъ главнѣйшихъ побужденій, могущихъ произвести великихъ геній во всякомъ родѣ наукъ и искусствъ».

Какъ это, такъ и всѣ послѣдующія по тому же предмету прошенія художника оставались Академіей долгое время безъ всякихъ послѣдствій. — «Поелику», отвѣчала Академія, «должно заняться составленіемъ общихъ правилъ для обезпеченія собственности художественной, надлежитъ имѣть въ виду ходатайство просителя при составленіи упомянутыхъ правилъ». За ихъ составленіе, однако, никто не принимался и только въ 1827 году Орловскому удалось исхлопотать нѣчто въ родѣ привилегіи, «на томъ же основаніи», какъ ему было объявлено, «на которомъ дано живописцу Дау дозволеніе обращать въ свою пользу выгоды, которыя онъ предполагалъ пріобрѣсти отъ копій съ гравированнаго въ Англіи на его иждивеніе портрета Императора Александра I». Основаніе же это заключалось въ воспрещеніи издавать снимки съ произведения Дау, безъ его согласія и съ тѣмъ, чтобы ко всѣмъ оттискамъ, продаваемымъ въ Россіи, онъ обязанъ былъ приложить свой штемпель.

Пробовалъ, наконецъ, свои силы Орловскій и въ живописи, но онъ мыслилъ скорѣе формами, чѣмъ красками и не

обнаружилъ въ картинахъ ни тонкаго чутья, ни пониманія. Техника живописи, которую онъ могъ изучить только у Бочарелли, да и то самое короткое время, ему не далась. Не былъ онъ, къ тому же, способенъ и къ той самостоятельной работѣ, которую вызываетъ сложная компановка картины, не обладая необходимыми теоретическими свѣдѣніями. Почти всѣ произведенія его кисти носятъ явные слѣды заимствованій или вліяній разныхъ представителей голландской школы XVII вѣка: Теньера, Рюисдаля, Поттера, Вувермана и даже Рембрандта. «На этихъ вымученныхъ и холодныхъ вещахъ», говоритъ А. Бенуа въ своей Исторіи русской живописи, «не стоитъ останавливаться. Талантъ Орловскаго гораздо ярче отразился во всѣхъ тѣхъ быстрыхъ и непритязательныхъ импровизаціяхъ, которыми онъ щеголялъ въ гостиныхъ».

Таковы внѣшнія формы, въ которыхъ вылилось творчество Орловскаго. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, художникъ пробовалъ даже заниматься скульптурой; ему приписываются двѣ отлитыя изъ бронзы фигурки, изображающія польскіе бытовые типы въ національныхъ одеждахъ и перешедшія послѣ А. Томилова въ собраніе Е. Г. Шварца. — Еще болѣе разнообразно его творчество по своему внутреннему содержанию.

Очень трудно было бы назвать такую тему, которую не использовал Орловскій въ своихъ безчисленныхъ произведеніяхъ. Отъ священныхъ мотивовъ, большей частью неудачныхъ, за отсутствіемъ въ его фантазіи необходимой идеализаціи, какъ, на примѣръ, исполненное въ духѣ Рембрандта «Воскрешеніе Лазаря», — до самой цинич-

ной порнографіи, въ которой онъ любилъ выставять себя однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ, художникъ исчерпалъ, по видимому, чуть не всѣ сюжеты, доступные аргистическому творчеству. Самымъ излюбленнымъ изъ нихъ, въ оба періода его артистической дѣятельности, — Варшавскій и Петербургскій, была жизнь и обстановка простого народа.

Быть скромныхъ людей всегда укладывался глубже и лучше въ рамки его художественной мысли, чѣмъ остальные затрогиваемыя имъ темы. И въ Польшѣ, и въ Россіи, онъ первый попытался поставить современное ему искусство на путь народнаго направленія и дать ему могучій толчокъ, основанный на правдивомъ, не условномъ изображеніи природы и человѣка. Онъ можетъ, по справедливости, быть названъ предтечей наступавшаго въ искусствѣ обѣихъ странъ поворота къ реалистической эпохѣ.

Въ Польшѣ предметомъ изученія и воспроизведенія послужили для художника, главнымъ образомъ, нравы и обычаи шляхтичей. Вращаясь между ними всю раннюю молодость и вмѣстѣ безчинствуя, онъ основательно ознакомился съ ихъ характеромъ, внѣшностью и бытомъ. Онъ хорошо зналъ длину подстриженной польской чуприны и гордо поднятыхъ кверху усовъ, зналъ и всѣ подробности національныхъ уборовъ и одеждъ. По словамъ Мицкевича, никто лучше Орловскаго не умѣлъ изображать современную ему шляхту. Къ сожалѣнію, судить объ этой сторонѣ его таланта мы можемъ только по отзывамъ польскихъ біографовъ и по нѣкоторымъ случайнымъ рисункамъ, исполненнымъ имъ въ Петербургѣ. Въ русскихъ собраніяхъ, общественныхъ и частныхъ, нѣтъ ни одного рисунка польскаго періода его дѣятельности. Біографіи же художника упоминаютъ только о двухъ болѣе или менѣе крупныхъ жанровыхъ композиціяхъ польской эпохи: «Отцы и сыновья» и «Пиръ въ велико-шляхетскомъ замкѣ». Такая скудость въ этомъ отношеніи его жизнеописаній, въ связи съ отсутствіемъ произведеній его молодости въ русскихъ музеяхъ

Петербургский лихачь начала XIX вѣка.

<http://rcin.org.pl>

и частныхъ хранилищахъ, едва ли не указываютъ, что Орловскій, за пребываніе свое въ Польшѣ, работалъ сравнительно мало, что, впрочемъ, при тревожной, полной всевозможными приключеніями жизни, является легко объяснимымъ.

Исключительнымъ за то богатствомъ и разнообразіемъ отличается творчество художника въ Петербургскомъ періодѣ. Внимательно и проникновенно изучая русскую жизнь, какъ въ столицѣ, такъ и во время поѣздокъ по Россіи съ Нарышкинымъ или пребыванія въ Успенскомъ, у Томилова, — Орловскій въ своихъ безчисленныхъ рисункахъ и литографіяхъ воскрешаетъ передъ нами русскій доморощенный бытъ за первые тридцать лѣтъ XIX столѣтія. Съ мѣткой наблюдательностью изображаетъ онъ давно теперь отошедшія въ область преданій сценки и типы, умѣло схватывая тѣ именно черты, которыя изобличаютъ въ нихъ русское національное происхожденіе и увѣковѣчивая любопытныя стороны современной ему отечественной жизни.

Это — или уличные типы: разношники, сбитенщики, квасники, калачники, будочники съ классической алебардой, франты съ моноклемъ въ глазу на высокихъ дрожкахъ съ завивающеюся кольцомъ пристяжной, извозчичьи биржи и «емскіе» базары, — или бытовые сцены: арестанты въ дорогѣ, кварталный и извозчикъ, рысистые бѣга, скачущіе фельдъегеря и курьеры, путники, мчащіеся въ окутанныхъ снѣгомъ кибиткахъ, летящія тройки, — или чисто народные, наконецъ, сюжеты: Тимошка-пастухъ, крестьянскіе танцы, праздники и увеселенія. Русскій бытовой жанръ получилъ, такимъ образомъ, громадное значеніе въ артистической дѣятельности художника. Его творчество этимъ, конечно, не исчерпывалось.

Орловскій былъ и пейзажистомъ, въ особенности въ молодости, и оставилъ, по увѣренію польскихъ біографовъ, цѣлый рядъ талантливо исполненныхъ акварелью и тушью видовъ Варшавы и разныхъ мѣстностей изъ имѣній Понятовскаго, гдѣ ему приходилось работать.

Увлекался художникъ и историческими сюжетами. «Посѣщеніе Императоромъ Павломъ I Костюшко въ тюрьмѣ» и «Освобожденіе польскаго героя изъ неволи», — два извѣстныхъ его рисунка были въ 1801 году гравированы и отпечатаны въ краскахъ въ Лондонѣ граверомъ Thomas'омъ Gaugain. Въ Петербургѣ имъ была исполнена большая акварель, по заказу, повидимому, англичанъ, изображавшая въѣздъ короля Георга III въ столицу Англіи.

Орловскій является авторомъ и многочисленныхъ рисунковъ батальнаго содержанія. Во время пребыванія въ Польшѣ, его преимущественно вдохновляли разные эпизоды изъ возстанія Костюшко: взятіе Праги, битва при Матіовицахъ, или лагерная жизнь и стоянка польскихъ войскъ и русскихъ казаковъ, казачьи походы и т. д. Въ Петербургѣ же имъ исполнены двѣ многоличныя акварели, представляющія битву подъ Арколой и переправу французскихъ войскъ черезъ рѣку и двѣ большія литографіи, изображающія кровавыя сраженія и стычки казаковъ съ киргизами и горцевъ съ грузинами. Съ отличающимъ его вкусомъ ко всякой экзотикѣ, побуждавшимъ часто подписывать на рисункахъ свое имя персидскими буквами, — художникъ всегда особенно увлекался живописностью быта восточныхъ народовъ и характернымъ типомъ русскихъ казаковъ, охотно изображая и тѣхъ и другихъ, — послѣднихъ, даже въ польскомъ періодѣ своей дѣятельности.

Его же кисти и карандашу принадлежитъ множество акварелей и рисунковъ, представляющихъ костюмы и бытъ русскихъ регулярныхъ войскъ и исполненныхъ отчасти, во время прикомандированія къ Главному Штабу, въ 1819 году. Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ были гравированы.

Къ той же, наконецъ, категоріи вопиственнаго жанра могутъ быть отнесены проекты памятниковъ, увѣковѣчивающихъ воинскія доблести, какъ напримѣръ, — памятника Понятовскому, а также нѣкоторыя произведенія изъ эпохи увлеченія романтизмомъ: полные мрачной поэзіи рыцари въ ки-

расахъ и шлемахъ, въ духѣ Сальватора Роза, нападеніе разбойниковъ на проѣзжихъ, военные въ доспѣхахъ тридцатилѣтней войны, бѣшенныя стычки кавалеріи, кораблекрушенія, въ манерѣ Жозефа Верне, удачно отражающія черты духа того времени: страшное и чувствительное, грозное и нѣжное.

Рисоваль Орловскій и портреты. Къ числу наиболѣе извѣстныхъ работъ этого рода относятся портреты: Костюшко, Императора Николая I въ польскомъ костюмѣ, заказанный для княгини Ловичъ, Великаго Князя Константина Павловича верхомъ, окруженнаго свитой, партизана Давыдова, Кутузова, Платова и Витгенштейна.

Выступалъ, наконецъ, художникъ и въ качествѣ книжнаго иллюстратора. Атласъ къ путешествію Друвилля въ Персію исполненъ на двѣ трети имъ однимъ. Въ 40 съ лишнимъ изъ 60 рисунковъ, отпечатанныхъ съ камня, представлены Орловскимъ всевозможныя типы и сценки излюбленныхъ артистомъ восточной жизни и быта. Наиболѣе удачны пзображенія всадниковъ въ движеніи: скачущій курдъ съ копьемъ въ рукѣ, такой же персидскій уланъ, афшаръ, преслѣдующій турка, персидскій воинъ стрѣляющій изъ винтовки на всемъ скаку и т. д.

Лошадь въ движеніи, будь это кровный скакунъ, или деревенская сивка, всегда особенно вдохновляли художника. Онъ держалъ у себя на конюшнѣ великолѣпнаго черкесскаго коня, любовно занимаясь изученіемъ всякой жилки на его тѣлѣ. Его звали русскимъ Вуверманомъ, думая ему польстить и низводя его на самомъ дѣлѣ этимъ сравненіемъ до свойственной голландскому мастеру и его эпохѣ условности. Между тѣмъ, имени этого рода произведенія Орловскаго, скорѣе приближающіяся къ современному пониманію движенія, обвинять въ условности неосновательно.

Въ 1824 году «знаменитый рисовщикъ» взялъ на себя трудную задачу иллюстрировать басни Крылова «съ возможнымъ типографскимъ совершенствомъ», но попытка его не

увѣнчалась успѣхомъ. Исполнивъ семь рисунковъ для басенъ: «Конь и всадникъ», «Квартетъ», «Собачья дружба» и «Демьянова уха», онъ отказался отъ дальнѣйшей работы, дѣйстви-тельно, весьма мало отвѣчавшей, по серьезности задачи, безпорядочнымъ порывамъ его творчества. Рисунки эти были изданы въ 1907 году Кружкомъ любителей русскихъ изящ-ныхъ изданій.

Не удались и двѣ другія такія же попытки: иллюстраціи къ разнымъ романтическимъ сценамъ Шекспира и къ поэмѣ Мицкевича «Самуэль Зборовскій». Оригинальные къ этимъ про-изведеніямъ рисунки художника никогда отпечатаны не были.

Этими многообразными проявленіями таланта Орловскаго далеко не заканчивается, однако, его разносторонняя дѣятель-ность. Намъ осталось разсмотрѣть еще цѣлую специальную и совершенно самостоятельную ея область, занимающую въ его творествѣ не менѣе видное мѣсто, чѣмъ жанръ бытовой— область художественной сатиры.

Орловскій, всегда живой и воспріимчивый, проявлялъ, какъ мы видѣли, уже въ ранней своей молодости исключи-тельные способности къ карикатурѣ. Жизнерадостная впечат-лительность, необычайная быстрота работы и обиліе мате-ріала, — чудаковъ было много, — значительно способствовали развитію природныхъ наклонностей. Въ исторіи русской

Сидоровъ, управляющій Томплова.

Кваренги и Томонъ.

карикатуры, онъ долженъ безспорно занять одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ.

Сатирическій его талантъ не руководитъ, однако, на трудномъ жизненномъ пути, глубокаго смысла въ немъ нѣтъ, до философской мысли онъ никогда не возвышается. Цѣль Орловскаго — легкой шуткой вызвать пріятную улыбку и этой цѣли онъ достигаетъ.

Съ большой наблюдательностью улавливаетъ онъ слабости и смѣшныя стороны каждаго изучаемаго лица, и тонко преувеличивая характерныя особенности, достигаетъ изумительнаго сходства съ дѣйствительностью, придавая ей оттѣнокъ еле замѣтной усмѣшки. Эта невинная усмѣшка чрезвычайно характерна. Она никого не оскорбляетъ, она скромна и деликатна, но тихо и настойчиво звучитъ въ каждомъ штрихѣ, брызжетъ блесками жизни. И получается такое впечатлѣніе жизни, не потому, что художникъ издѣвался надъ сюжетами а потому лишь, что онъ бралъ ихъ въ ту неблагопріятную минуту, когда ихъ недостатки проявлялись всего нагляднѣе и запечатлѣвалъ эти недостатки съ свойственнымъ ему блестящимъ мастерствомъ. Вотъ почему произведенія Орловскаго всегда такъ правдивы; къ сожалѣнію, его правда не переступаетъ границы безразличія. — Онъ не чувствовалъ, быть можетъ, себя въ силахъ черпать дальше и глубже. Можетъ также и то, что, зная человѣчество, онъ зналъ, что мы улыбаемся тому, что намъ льститъ и любимъ истину настолько, поскольку она не изобличаетъ нашихъ пороковъ. Очень правдивые люди слывутъ «непріятными» и такимъ «непріятнымъ» человѣкомъ онъ не былъ. Высказываемая имъ правда не задѣваетъ сокровенныхъ струнъ сердца, съ ней можно мириться тѣмъ легче, что она слишкомъ очевидна, чтобы ее отрицать.

Этотъ скромный отпечатокъ реалистической правды служитъ отличительной чертой карикатуры Орловскаго, и онъ настолько присущъ ей, что въ его сатирическомъ твор-

чествѣ найдется очень мало произведеній, навѣянныхъ одной памятью и фантазіей. Даже повторенія уже изученныхъ и выбранныхъ темъ, къ которымъ художникъ прибѣгалъ довольно часто, всегда носятъ слѣды обновленныхъ наблюденій.

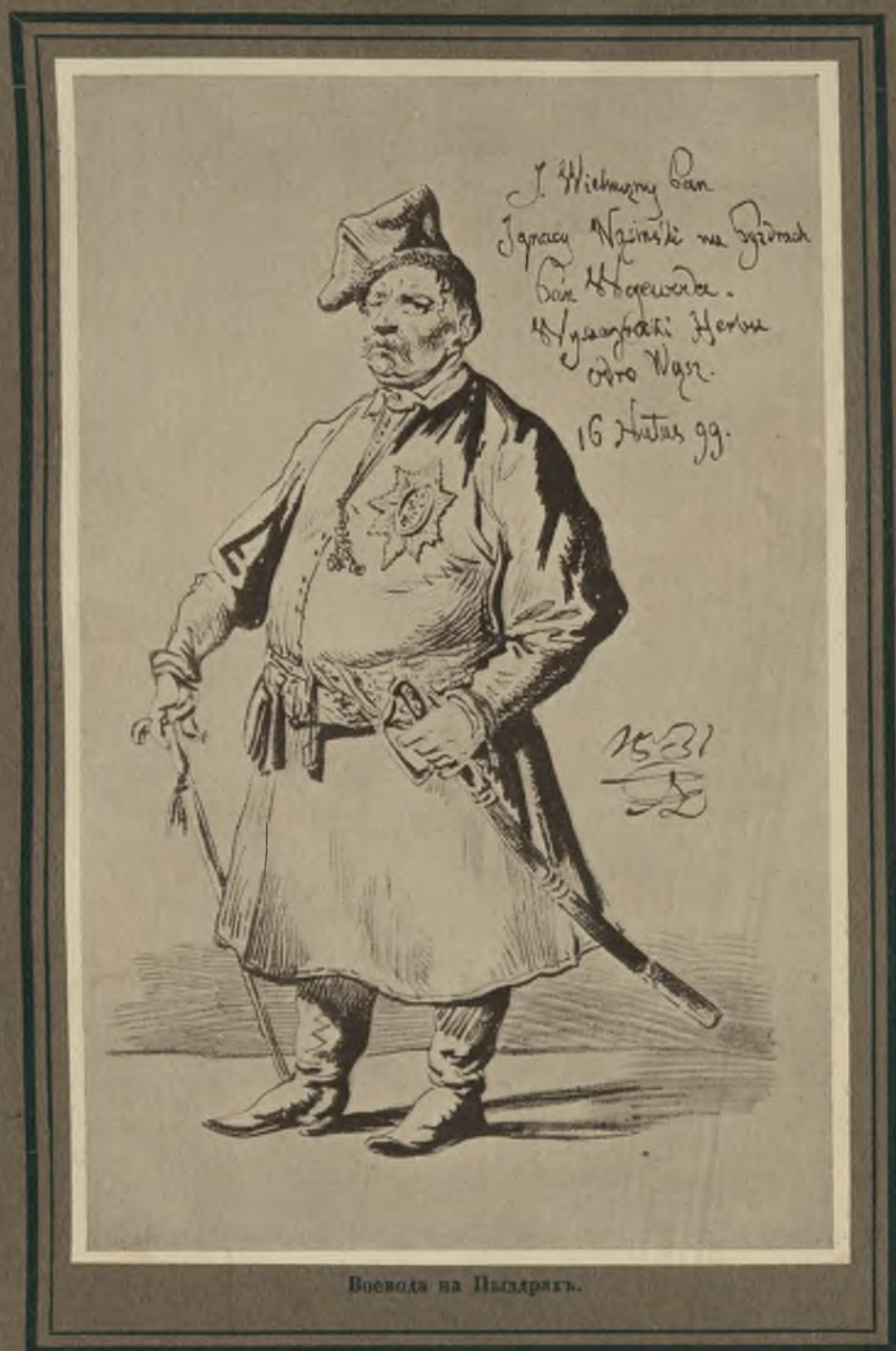
Сатирическіе сюжеты Орловскаго сводятся почти исключительно къ карикатурнымъ портретамъ. Человѣческое лицо, послушно отражающее сложныя душевныя переживанія, всегда манило его свѣтящейся жизнью, игрой выраженія, слѣдами борьбы. И вкладывая и въ эту отрасль артистической дѣятельности всегда нервно-напряженную волю, онъ и здѣсь неудержимо увлекаетъ насъ порывомъ своего творчества. Большинство его карикатуръ исчезло безслѣдно, оставшіяся — могли бы заполнить не одну артистическую жизнь.

Карикатуры Орловскаго, за рѣдчайшими исключеніями, не имѣютъ легендъ, но это не умаляетъ ихъ значенія. Смыслъ карикатуры вовсе не заключается въ одной хлесткости легенды, а столько же, если не больше, въ правдивости и живости изображаемыхъ типовъ и въ силѣ ея замысла. Первому изъ этихъ качествъ отвѣчаютъ чуть не всѣ его сатирическія произведенія, послѣднему — многія.

Останавливаясь на наиболѣе интересныхъ сатирахъ Орловскаго, отведемъ, по справедливости, одно изъ первыхъ мѣстъ «Воеводѣ на Пыздрахъ».

Съ конфедераткой, гордо заломленной на бокъ, карикатурно-громадной звѣздой на груди, опоясанный богатымъ Слуцкимъ поясомъ, шествуетъ онъ важно и торжественно, опираясь правой рукой на костьль, а лѣвой на саблю. Въ этомъ живомъ лицѣ, не нарушая его индивидуальности, сумѣлъ художникъ съ удивительной мѣткостью собрать характерныя особенности расы.

J. Wichary Pan
Józefu Najm. na Szlach
Pan H. G. G.
H. G. G. G. G.
16 Lutego 99.

1831
J. W.

Воевода на Пыздрзгъ.

Это «wielki pan», — большой баринъ. Отъ всей его типичной фигуры, отъ осанки, взора, увѣренной поступи вѣтъ безграничнымъ своеволіемъ, кичливой заносчивостью, тщеславнымъ самодовольствомъ. Да и какъ не быть ему довольнымъ? — Всѣ безпрекословно ему подчиняются и хотя, конечно, играютъ комедію, которой онъ поддается легко, но онъ этого не знаетъ и увѣренъ въ томъ, что все дѣлается по его желанію. Холопы кланяются ему въ землю; подобострастнымъ поклонами провожаетъ воеводу и живущая на его счетъ мелкопомѣстная шляхта. Первыхъ онъ считаетъ животными — «быдломъ», вторыхъ презираетъ, но, къ сожалѣнію, въ нихъ нуждается и, снимая съ крестьянъ послѣднюю рубаху, щедро оплачиваетъ услуги «братьевъ шляхтичей». Кто же, дѣйствительно, какъ не они, будетъ служить его прихотямъ и увеселеніямъ, слушать хвастливые рассказы, кто будетъ ему кланяться, льстить, помогать въ безконечныхъ интригахъ?

А въ этомъ послѣднемъ отношеніи помощь ему существенно нужна. «Панъ-воевода» — большой интриганъ, онъ не прочь при случаѣ подвести и самого короля, и не мало въ своей жизни осушилъ примирительныхъ чарокъ стараго вина, по обнаруженіи его козней противъ такихъ же, какъ и онъ, вельможныхъ пановъ. Наконецъ, безъ интригъ и безъ происковъ, жить такъ привольно и роскошно нельзя. Воевода — расточитель не только на словахъ, но и въ жизни и, хорошо помня старую польскую пословицу: «гость въ домѣ, Богъ въ домѣ», уже истратилъ на одно свое широкое хлѣбосольство чуть не полъ-состоянія. Обходилось же ему гостепріимство особенно дорого еще и потому, что, какъ всякій добрый полякъ, онъ хотѣлъ всегда больше казаться, чѣмъ быть. А такъ какъ влеченія и страсти всегда преобладали у него надъ разсудкомъ, то въ средствахъ добывать деньги онъ никогда не стѣснялся.

И доходилъ старый панъ-воевода до того, что за крупныя взятки срывалъ сеймы и сеймики, пользуясь «золотою

вольностью» шляхты — на вѣки погубившимъ Рѣчь Посполитую, безсмысленнымъ правомъ единоличнаго возраженія — «nie rozwalam». По своему безграничному легкомыслию, онъ, быть можетъ, и не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что жертвуетъ личнымъ видамъ интересами родины, для которой, съ другой стороны, былъ способенъ геройски отдать свою жизнь. А что изъ за его дѣйствій происходили безпорядки, — не все ли равно? Вѣдь Польша существуетъ безпорядками — «Nierządem Polska stoi».

Вотъ, что можетъ прочесть въ рисункѣ Орловскаго всякій, кто, хоть немного, знаетъ исторію Польши и характеръ польскаго народа и вотъ почему «Воевода на Пыздрахъ» останется навсегда одной изъ лучшихъ сатирическихъ конценцій художника.

Чрезвычайно удаченъ и другой сатирической листъ, изображающій извѣстнаго чудака, бригадира Брызгалова. Ростовщикъ по профессіи и знаменитый ябедникъ, Брызгаловъ отличался необычайно оригинальной внѣшностью и костюмомъ. Въ тѣ времена всякаго рода эксцентричности и маскарадныя переодѣванія были, вообще, въ большой модѣ. Бывшій лейбъ-гусарь Н-нъ щеголялъ въ костюмѣ кавказскаго племени шапсуговъ и, для бѣльшаго

сходства, привилъ себѣ на лицѣ даже коросту, присущую этому племени. Графъ С-бъ, столичный щеголь, любилъ надѣвать синій плащъ, подбитый малиновымъ бархатомъ съ бѣлыми рукавами. Графъ Х-въ ходилъ по улицамъ въ фризовой старой шинели, съ повязанной щекой, загримированный пьяницей, съ красно-синимъ носомъ. Знакомый уже намъ балетмейстеръ Дидло, по окончаніи своей роли, возвращался, не переодѣваясь, пѣшкомъ по Невскому въ Троицкій переулокъ, — въ костюмѣ того или другого олимпійскаго бога, съ фантастической короной на головѣ.

Подобными примѣрами изобилуютъ воспоминанія начала XIX вѣка. Нужно, однако, полагать, что, если фигура Брызгалова останавливала общественное вниманіе даже въ эпоху такого повального чудачества, — она была дѣйствительно смѣшна. Брызгаловъ одѣвался въ красный длиннополый мундирный фракъ французскаго покроя, богато шитый золотомъ, бѣлый суконный жилетъ и бѣлые замшевые панталоны; — огромные ботфорты со шпорами и треугольная шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ дополняли его нарядъ. Онъ ходилъ во всякую погоду пѣшкомъ, ведя за руку своихъ дѣтей, ковылявшихъ на ногахъ, страшно искривленныхъ англійской болѣзью и одѣтыхъ еще болѣе фантастическимъ образомъ. Надъ этой карикатурной группой смѣялись, останавливаясь, прохожіе, а Брызгаловъ сердился и громко бранился.

Орловскій нарисовалъ съ него три портрета, одинъ въ полкорпуса въ натуральную величину, другой — «спиной» и третій — профильный, въ ростъ, съ дѣтьми. На первомъ — Брызгаловъ, грязный и неряшливый, съ небритой щетиной вмѣсто бороды, безцвѣтными глазами и полуоткрытымъ ртомъ, словно что то рассказываетъ, повторяя, вѣроятно, надобвшія всѣмъ воспоминанія о своей службѣ кастеляномъ Михайловскаго замка при Императорѣ Павлѣ. На второмъ — онъ представленъ прогуливающимся на Адмиралтейской площади съ длинной почти до талии косой, перевязанной лентой и составлявшей при-

надежность бѣло-напудренного парика съ «эль-де-пижонами». Подпись подъ портретомъ гласила: «всѣмъ въ Петербургѣ извѣстный малиновый мундиръ временъ Павловскихъ, коса котораго лучше его рожи изображаетъ его персону». Съ этой подписью, придуманной извѣстнымъ острякомъ того времени Василиемъ Прокофьевичемъ Мещерскимъ, портретъ бригадира, рисованный на камнѣ и отпечатанный Беггровымъ, появился въ книжной лавкѣ Заикина и началъ быстро раскупаться.

— «Синюшки, да серебрянные круглячки такъ и летѣли къ Заикинымъ на стойку», говоритъ современникъ. Какъ вдругъ, какъ то разъ, вошелъ неожиданно къ нимъ въ лавку самъ оригиналь портрета, Иванъ Семеновичъ Брызгаловъ, «съ лицомъ краснымъ, раскраснымъ и азартно началъ махать своей почти саженой тростью съ кистями». Изругалъ онъ хозяевъ, назвалъ Орловскаго «проклятымъ лихомъ» и «прошалагой-поляншккой» и, пообѣщавъ на него жаловаться за оскорбленіе, потребовалъ бумаги, сургучъ и всѣ находящіяся въ лавкѣ изображенія своей высокородной личности. Заикины, не осмѣливаясь послушаться, выдали ему требуемое, а Брызгаловъ, сдѣлавъ тюкъ изъ портретовъ, припечаталъ его набалдашникомъ трости, съ гравированной на немъ надписью «Строгое Правосудіе», и запретилъ трогать.

Не успѣвъ еще сердитый бригадиръ повернуть спины, какъ Заикины отправили одного изъ своихъ прикащиковъ сообщить о случившемся Орловскому. Возбѣшенный художникъ, обозвавъ въ свою очередь Брызгалова дуракомъ и гороховымъ шутомъ, немедленно же отправился вмѣстѣ съ прикащикомъ къ тогдашнему оберъ-полицмейстеру, генералу Горголи и настоялъ на томъ, чтобы печати Брызгалова были сняты. Это, однако, оказалось не легко. Отравленный съ этой цѣлью надзиратель Щеголевъ засталъ въ лавкѣ Заикина самого бригадира, который рѣшительнымъ образомъ воспротивился выполненію возложеннаго на него порученія. Чтобы избѣжать скандала и насмѣшекъ собравшейся публики, Щего-

И. С. Брызгаловъ.

левъ рѣшилъ, вмѣстѣ съ Брызгаловымъ и опечатаннымъ имъ тюкомъ, вернуться къ оберъ-полицмейстеру. Что тамъ происходило — неизвѣстно, но недѣли черезъ двѣ Заикины получили отъ Орловскаго тотъ же портретъ, и даже въ гораздо большемъ количествѣ, но уже безъ оскорбительной для бригадира подписи. Вотъ почему портретъ Брызгалова съ подписью сдѣлался въ настоящее время исключительной иконографической рѣдкостью.

Сатирическій талантъ Орловскаго навлекъ ему въ жизни еще одну неприятность, окончившуюся, на этотъ разъ, нѣсколько менѣе благополучно. Онъ очень дружилъ съ своимъ сородичемъ Іосифомъ Олешкевичемъ, извѣстнымъ въ то время художникомъ и еще болѣе извѣстнымъ масономъ.

Олешкевичъ былъ личностью во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной; рѣдкія душевныя качества привлекали къ нему общую любовь и уваженіе и заставляли забывать странности, — онъ былъ оригиналъ и доводилъ любовь къ ближнему, милосердіе и доброту до эксцентричности. Его страстью, между прочимъ, были кошки; у него было ихъ двѣнадцать штатныхъ и еще болѣе нештатныхъ. Когда ему подкидывали котятъ, онъ ихъ тщательно воспитывалъ и раздавалъ затѣмъ будочникамъ, давая приданого за кошку 10 рублей, а за кота 5 рублей и потомъ аккуратно и часто ихъ навѣщалъ.

Однажды, проходя случайно на масляницѣ черезъ площадь Большого театра, онъ услышалъ въ одномъ изъ стоявшихъ тамъ балагановъ странные, но слишкомъ близкіе его сердцу голоса. Оказалось, что какой то пріѣзжій итальянецъ завелъ у себя хоръ изъ кошекъ. Штукъ двадцать этихъ животныхъ, съ болѣе или менѣе подобранными по діапазону голосами, составляли нѣчто въ родѣ фортепіано: хвосты четвероногихъ музыкантовъ были подложены подъ клавиши, въ которыхъ были вдѣланы булавки. Когда итальянецъ игралъ на этихъ клавишахъ, то уколотыя кошки издавали одна за другой жалобныя мяуканія, изъ которыхъ соста-

влялся нѣкоторый ансамбль. Олешкевичъ, выслушавъ съ ужасомъ этотъ концертъ, поспѣшилъ къ Петербургскому губернатору, графу Милорадовичу, съ жалобой на такое варварство, и кошачій импрессарио былъ въ тотъ же день высланъ изъ столицы, а его кошки — выпущены на свободу.

Орловскій, безъ всякаго злого умысла, увѣковѣчилъ это событіе забавной, какъ говорятъ, карикатурой, неизвѣстно гдѣ теперь находящейся.

Быть можетъ, впрочемъ, это та самая карикатура, которая воспроизведена въ настоящемъ очеркѣ и на которой Олешкевичъ изображенъ въ костюмѣ XVIII столѣтія съ фартукомъ, богато разукрашеннымъ масонскими знаками. На лицѣ его — гримаса ужаса и негодованія, словно онъ дѣйствительно слышитъ жалобные крики любимыхъ животныхъ, въ рукѣ — оголенная шпага, приготовленная для ихъ защиты. Какъ бы то ни было, но Олешкевичъ, несмотря на свое замѣчательное добродушіе, не могъ простить Орловскому его выходки и пріятели перестали съ тѣхъ поръ видѣться.

Во всѣхъ трехъ разсмотрѣнныхъ нами сатирическихъ произведеніяхъ Орловскаго, изображенные имъ сюжеты представлены въ ростъ, что даетъ несомнѣнно юмору карикатуриста бѣльшій размахъ. Къ той же категоріи относятся и многіе другіе его портреты-шаржи, какъ напримѣръ: калѣки-часовые въ Петропавловской крѣпости, французъ-эмигрантъ Du Seylon, Кваренги, въ видѣ амура, онъ же съ крестомъ на спинѣ, странствующій актеръ, переѣздъ на квартиру и т. д.

Въ большинствѣ этихъ шаржей Орловскій очень удачно достигалъ преслѣдуемыхъ эффектовъ. Всѣ части не только лица, но и тѣла продуманы, поняты и переданы правильно и просто. Типично схвачены своеобразные жестъ, осанка и походка каждаго изображаемаго лица, — всѣ лица характерны, движенія ихъ жизненны. Вполнѣ удовлетворительно изображая отдѣльныя фигуры, Орловскій не умѣлъ, однако, и въ сатирическихъ, какъ и въ жанровыхъ своихъ произведеніяхъ,

Кавалергардъ.

Олешковичъ.

Копиогвардеецъ.

связывать ихъ общностью и единствомъ дѣйствія и также тщательно избѣгалъ въ нихъ многоличныхъ сюжетовъ.

Ко второму типу карикатурныхъ портретовъ художника принадлежатъ его интересныя, по экспрессіи головы. Появлялись онѣ не только въ рисункахъ перомъ и литографіяхъ, какъ фигуры въ ростъ, но и въ рисункахъ цвѣтными карандашами, которыми художникъ особенно удачно передавалъ блескъ карнаціи и серебрность краски. Головы эти или бывали громадныя, — въ натуру и больше, какъ

напримѣръ, голова Брызгалова, или маленькія эскизныя, исполненныя иногда простыми тѣневыми контурами. Изъ послѣдняго рода головъ особенной типичностью отличается голова управляющаго Томилова, Артамона Сергѣевича Сидорова.

При первомъ взглядѣ на Сидорова cadaго невольно охватываетъ безконечная жалость... къ Томилову. Какъ замѣчательно типично его изрытое морщинами лицо, взъерошенные волосы, угреватый носъ, отвислый подбородокъ! А узкія щели его злыхъ и плутоватыхъ глазъ съ извилистыми, порочными бровями! Какая въ нихъ сила выраженія и сколько

безконечнаго презрѣнія ко всему тому, что не составляет непосредственной выгоды самого Артамона Сидоровича, сколько холодной жестокости, даже звѣрства! Оиъ, конечно, на смерть засѣкалъ непокорныхъ крестьянъ и, униженно раболѣбствуя передъ бариниомъ, тщательно и аккуратно набивалъ себѣ карманъ, на его счетъ.

Въ этомъ отвратительномъ лицѣ есть, однако, для художника своеобразная красота, и Орловскій ее понялъ — это красота характера и выраженія. Внѣшняя и внутренняя жизненная правда выступаетъ въ немъ, конечно, ярче и красочнѣе, чѣмъ въ любомъ, нетронутомъ жизнью восхитительномъ личикѣ «профессиональной» красавицы. И, быть можетъ, именно такому страстному искаженію жизни въ ея неприкрашенной правдѣ, мы обязаны почти полнымъ отсутствіемъ въ произведеніяхъ Орловскаго мотивовъ и темъ, вдохновленныхъ прелестью женщины, которая ему казалась, вѣроятно, не достаточно выразительной или слишкомъ изысканной.

Не всегда, впрочемъ, Орловскій останавливалъ свое вниманіе на уродахъ. Ксендзь Савинскій, напримѣръ, скорѣе благообразенъ. На его чувственныхъ губахъ витаетъ плотоядная улыбка, ничего общаго съ его профессіей не имѣющая и навѣянная, очевидно, соблазнительными предложеніями наклонившагося надъ его ухомъ крылатаго чортика. Савинскій, конечно, лицемѣръ. Въ церкви онъ громитъ пороки и преступленія, грозя муками ада за самые невинные грѣхи. На самомъ же дѣлѣ, это большой весельчакъ, самъ совершенно невѣрующій, любящій жизнь, умѣющій ею пользоваться и особенно тонко понимающій толкъ въ красотѣ прихожанокъ, доступъ къ сердцу которыхъ облегчалъ ему санъ. Въ этомъ смыслѣ онъ его щедро использовалъ и частые успѣхи у прекраснаго пола сквозятъ въ каждой чертѣ самодовольнаго и сытаго лица. Подъ портретомъ помѣщенъ нецензурнаго свойства каламбурный рисунокъ, въ которомъ слово „curé“ — играетъ видную роль.

Ксеназь Савицкий.

Неизвестный.

Орловскій, вообще, не особенно долюблялъ созданныхъ незрѣлой фантазіей человѣчества посредниковъ между нимъ и божествомъ, и безжалостно осмѣивалъ монаховъ и ксендзовъ. Польскіе біографы его за это называютъ атеистомъ.

Не менѣе мѣтки и жизненны и многія другія типичныя головы Орловскаго, какъ, на примѣръ: монахъ, подымающій руку для благословенія, съ подобострастнымъ выраженіемъ всегдашней готовности ко всякаго рода услугамъ; архитекторъ Кваренги, безобразный носъ котораго не оставлялъ художника въ покоѣ; старый полякъ съ чуприной, бородавками и большимъ брильянтомъ на воротникѣ; крокады 12 головъ на одномъ листѣ и т. д.

Этимъ краткимъ обзоромъ сатирическихъ произведеній Орловскаго я признаю возможнымъ ограничиться; болѣе подробное ихъ разсмотрѣніе не вызывается необходимостью. Не говоря уже о томъ, что часто самыя лучшіе коментаріи,— тѣ, которые дѣлаетъ самъ зритель, необходимо замѣтить, что перечень, хотя бы всѣхъ, безъ исключенія, помѣщенныхъ въ настоящемъ очеркѣ, рисунковъ далеко не исчерпалъ бы числа удачныхъ карикатуръ нашего художника. Гораздо важнѣе отмѣтить главную отличительную черту его сатирическаго таланта, которая даже и въ небольшомъ числѣ разсмотрѣнныхъ нами произведеній выступаетъ съ достаточной ясностью.

Всѣ его сюжеты связаны общностью передачи, и если въ нихъ иногда хромаетъ рисунокъ, то всегда жизненна мысль, которую они пробуждаютъ содержаніемъ и выполненіемъ. А пробужденіе мысли въ ту эпоху, когда общественныя условія не позволяли художественной сатирѣ цѣлится на «особь», а изобличеніе общественныхъ язвъ допускали только въ предѣлахъ отвлеченныхъ туманныхъ аллегорій, могло быть достигнуто лишь незаурядному таланту. Еще одна немаловажная особенность его творчества — это самобытная манера, новая, по времени, форма, рисунка, тотъ своеобразный штрихъ, ко-

торый позволяет каждому, мало мальски знакомому съ его произведеніями, узнать рисунокъ Орловскаго и безъ знаменитой монограммы, среди тысячи другихъ. И это, быть можетъ, наилучшая похвала этому безспорно большому, хотя и разбѣнявшемуся, отчасти, на мелочи таланту.

Нѣсколько словъ, въ заключеніе, объ общемъ впечатлѣніи, оставляемомъ творчествомъ Орловскаго.

Изученіе рисунка было преобладающей цѣлью школы Норблена и, при извѣстномъ

постоянствѣ и трудолюбіи, изъ Орловскаго, съ его блестящими способностями, несомнѣнно выработался бы первоклассный рисовальщикъ. Отсутствіе этихъ качествъ и объясняетъ всѣ несовершенства его техники, которая, несмотря на большой природный талантъ, обнаруживаетъ иногда слабая стороны и недостатки самоучки.

— «Подражайте природѣ и къ ней приближайтесь», говорилъ Норбленъ ученикамъ и Орловскій стремился этому правилу слѣдовать. Но такое приближеніе къ природѣ дается художнику лишь послѣ долголѣтняго труда, котораго не въ силахъ замѣнить одинъ самородный талантъ. А для добросовѣстнаго и трудолюбиваго изученія природы, у нашего мастера никогда не хватало ни терпѣнія, ни времени. Этотъ ошутительный въ его произведеніяхъ недостатокъ ученія и школы даетъ себя знать въ часто неправильномъ и слабомъ рисункѣ, въ невѣрной передачѣ пропорцій и отдѣльныхъ частей, въ неумѣіи изображать человѣческое тѣло, которое онъ съ натуры не изучалъ и прикрывалъ даже въ порнографическихъ произведеніяхъ, въ отсутствіи надлежащаго рисунка рукъ, тоже обыкновенно закрытыхъ перчатками. Не умѣлъ

онъ справляться и съ многоличными композиціями. Плохая разстановка фигуръ, неестественность и неувѣренность позъ, отсутствіе гармоніи и построения въ группировкѣ изобличаютъ въ большинствѣ изъ нихъ недочеты и промахи настоящаго «примитива» реализма.

Главное достоинство его рисунка, — это ярко характеризующій его личность, смѣлый и размашистый штрихъ, которымъ онъ съ изумительной ловкостью схватывалъ типичныя особенности изображаемыхъ предметовъ. Но ограничивался онъ, обыкновенно, передачей одного общаго ихъ синтеза, пренебрегая деталями. Вся сила Орловскаго въ такомъ именно быстромъ и непосредственномъ реагированіи на получаемое мимолетное впечатлѣніе, въ нетерпѣливой боязни его упустить, въ прелести недосказанной мысли. Если онъ долго продумывалъ какое нибудь произведеніе, штрихъ его терялъ свою легкость; обрабатывая свои эскизы, выравнивая линіи или смягчая контуры и покрывая тѣнями, онъ ихъ портилъ, и въ стремленіи къ отчетливой передачѣ подробностей, впадалъ въ угловатость и сухость. Вотъ почему всѣ его законченные рисунки менѣе удачны. Художникъ не любилъ останавливаться и на многосложныхъ сюжетахъ, въ которыхъ болѣе наглядно проявлялись недостатки его техники. Не этимъ ли очевиднымъ предпочтеніемъ самыхъ простыхъ положеній и темъ можетъ наиболѣе правдоподобно быть объясненъ одинъ странный пробѣлъ въ его артистической дѣятельности? — Годъ Отечественной войны не нашелъ себѣ отклика въ его сатирическомъ творествѣ.

Орловскій оставилъ послѣ себя тысячи мелкихъ произведеній и ни одного крупнаго, ни въ чемъ не проявивъ себя настоящимъ творцомъ. Несмотря, однако, на такое опредѣленное призваніе къ простому наброску и эскизной technikѣ, художникъ, подобно многимъ другимъ его собратьямъ по профессіи, очень часто восхищался именно тѣми сторонами своего таланта, которыя, въ дѣйствительности, всего менѣе отвѣчали

его способностямъ. Онъ очень высоко цѣнилъ свои картины и законченные рисунки и относился съ нескрываемымъ пренебреженіемъ къ тѣмъ нетерпѣливымъ эскизамъ, которые представляютъ наиболѣе удачную форму выраженія его художественной мысли.

Таковы, въ очень общихъ, конечно, чертахъ, техническія несовершенства рисунка Орловскаго. Онъ остается, тѣмъ не менѣе, въ нашихъ глазахъ интереснѣйшимъ мастеромъ уже по тому одному, что теоретическіе его промахи съ избыткомъ искупаются индивидуальной правдой его произведеній. И если въ его рисункахъ нѣтъ красоты, основанной на формѣ, на ритмѣ линий и гармоніи пропорцій, нѣтъ ни одного пріятнаго лица, ни одного красиваго тѣла, то во многихъ изъ нихъ свѣтитъ другая и высшая, конечно, красота — красота содержанія.

Содержаніе произведеній Орловскаго изумительно своимъ разнообразіемъ. Его кипучая юность и многочисленныя общенія съ людьми всевозможныхъ сословій, состояній и возрастовъ дали его творчеству неизсякаемый матеріалъ, который онъ широко использовалъ. И какъ только, съ годами, стали успокаиваться его страсти, — все его лихое удалство, фантастическія стремленія, страстные порывы жизненнаго чувства хлынули въ искусство неудержимымъ потокомъ самаго разнообразнаго творчества.

Карикатуристъ по призванію, одаренный отъ природы тонкой наблюдательностью, онъ былъ и баталистомъ, извѣдавшимъ на опытѣ всѣ ужасы боя, и жанристомъ, изучившимъ въ многолѣтнихъ скитаніяхъ разнообразнѣйшія подробности быта; онъ писалъ пейзажи, любовно изучая природу, рисовалъ лошадей, какъ никто изъ его современниковъ, сочинялъ костюмы для маскарадовъ и придворныхъ празднествъ и бредилъ романтическими сказками.

Главная, однако, заслуга Орловскаго не столько въ этомъ разнообразіи творчества, сколько въ объединяющей его жи-

Дю-Селонг, французь-эмигрантъ.

Артистъ.

Кваренги.

вой мысли, въ безыскусственной свѣжести мотивовъ. Въ его работахъ нѣтъ ничего однообразнаго и натянутаго, нѣтъ фальши и погонни за эффектами. Перенявъ отъ Норблена драгоценную способность передавать глубину настроеній и

реальность бытовой обстановки, онъ превзошелъ въ этомъ отношеніи учителя. Реализмъ Норблена, бывшего подъ несомнѣннымъ вліяніемъ современнаго ему направленія французскаго искусства, носитъ на себѣ явные слѣды столь присущаго романскимъ народамъ чувства формальной красоты. Въ реализмѣ Орловскаго жеманство и грація XVIII вѣка совершенно отсутствуютъ. Его художественный анализъ повседневной дѣйствительности сначала польской, а потомъ русской жизни производитъ впечатлѣніе самой неприкрашенной правды. Въ смѣлыхъ и самоувѣренныхъ эскизахъ передавалъ онъ переживаемыя имъ впечатлѣнія именно такъ, какъ онъ ихъ ощущалъ и скорѣе даже преувеличивая, чѣмъ идеализируя, неприглядныя стороны жизни.

Это стремленіе Орловскаго къ преувеличенному реализму заслуживаетъ особеннаго вниманія. У другихъ мастеровъ, хотя бы у Гойи, оно выразилось въ изображеніи людскихъ страданій, въ вопляхъ болѣзненной скорби, въ безумномъ отчаяніи передъ неразрѣшимой загадкой бытія. У Орловскаго, всегда подмѣчавшаго однѣ смѣшныя и странныя стороны жизни, оно вылилось въ веселую усмѣшку. Онъ безобидно и ласково смѣется надъ всѣмъ его окружающимъ, начиная съ себя самого, смѣется надъ самоувѣренностью шляхтича и заносчивостью вельможнаго пана, надъ грязнымъ лапсердакомъ шинкаря и пышной одеждой воеводы, надъ фарисействомъ и лицемеріемъ ксендзовъ, надъ польскими королями, которыхъ гравируетъ для Чацкаго, придавая ихъ лицамъ отбѣнокъ веселаго комизма, не отвѣчавшаго, конечно, дѣйствительности. Изображая бытовые эпизоды, онъ часто, и, можетъ, незнательно, воплощаетъ ихъ въ тонкой художественной сатирѣ; его карикатуры также часто воспроизводятъ съ изумительной точностью одну реальную дѣйствительность. Эти оба направленія артистической дѣятельности Орловскаго — жанръ и карикатура получили, какъ мы знаемъ, въ его творествѣ преобладающее значеніе. Въ безчисленныхъ рисункахъ ка-

рандашемъ и перомъ, акварелью и гуашью, сангиной, сепіей и тушью, онъ оставилъ намъ цѣлую галлерію шаржей современниковъ и бытовыхъ сюжетовъ — часть живописной исторіи эпохи, одушевленной тѣмъ горячимъ впечатлѣніемъ жизни, которое можетъ вдохновить лишь художника, наблюдающаго на мѣстѣ ея непосредственныя явленія.

Но въ талантѣ Орловскаго есть еще одна характерная особенность. Тревожныя исканія новыхъ впечатлѣній не давали застывать его мысли въ неподвижныхъ формахъ выраженія. Безусловнаго покоя онъ не признавалъ ни въ личной жизни, ни въ артистическомъ творествѣ.

Орловскаго исключительно вдохновляло движеніе, хотя недостатокъ теоріи и заставлялъ его, иногда, избѣгать слишкомъ смѣлыхъ поворотовъ и трудныхъ ракурсовъ, сильныхъ драматическихъ положеній и размаха въ жестѣ и осанкѣ. — Почти всѣ его темы безпокойны. Безпокойны его головы, искаженныя гримасой испуга, судорогой смѣха, выраженіемъ порока или страсти, тревоги или борьбы за существованіе. Скачутъ мастерски изображенныя лошади, въ полномъ напряженіи ихъ силъ. Клубятся водопады въ эпоху романтизма, рубятся всадники въ бѣшеныхъ схваткахъ, мчатся разбойники въ горныхъ ущельяхъ, дрожатъ плащи, дрожитъ каждая линія. И въ этой настойчивой дрожи движенія словно отразилась не только огневая натура художника, но и вся жизнь его родины, тоже охваченной безпокойной тревогой.

Орловскій не оставилъ ни школы, ни послѣдователей. Его творчество — волшебная ракета: сверкая и горя, она гордо взвилась въ безконечное небо, блеснула яркимъ огнемъ, разсыпалась тысячею брилліантовыхъ звѣздъ и на вѣки угасла...

Заканчивая настоящій очеркъ, я предвижу возможность справедливаго, на первый взглядъ, и нонятнаго упрека. Орловскій — полякъ, скажутъ мнѣ, и въ исторіи русскаго искусства занимать мѣста не долженъ.

Принадлежитъ ли, однако, его артистическое имя польскому искусству только потому, что онъ значится полякомъ по метрическимъ выписямъ? — Едва ли. Исторія искусства изобилуетъ примѣрами совершенно обратнаго свойства. Не справедливо ли, напримѣръ, гордится Кельн-

ская школа XVI вѣка голландскимъ выходцемъ Бруиномъ, Нидерландская — Мемлинкомъ, родившимся нѣмцемъ, Италия — французомъ по происхожденію, Джіовани ди Болонья, а Испанія — грекомъ Теотокопули? И не съ одинаковымъ ли основаніемъ французы считаютъ своими — фламандца Филиппа де Шампеня, голландцевъ — Ванъ-Лоо, шведа Рослена или швейцарцевъ — Гриму и Петито? Этотъ рядъ артистическихъ именъ намъ наглядно указываетъ, что принадлежность артиста къ той или другой національности, странѣ или школѣ вѣриѣе опредѣляется мѣстомъ преобладанія его творчества, чѣмъ мѣстомъ его родины. Въ такомъ же положеніи нахо-

дится Орловскій, и это признають большинство его польскихъ біографовъ. Нужно ли говорить, что они не упускають при этомъ случая проявить одушевляющую ихъ злобу и ненависть къ Россіи?

«Орловскій», говорятъ польскіе критики, «съ его истинно-народнымъ талантомъ, благодаря долголѣтнему пребыванію въ Петербургѣ, сталъ жертвой низменныхъ страстей и необузданныхъ порывовъ, утративъ нравственные принципы. Въ близкихъ сношеніяхъ со Дворомъ притунился прежній патріотизмъ, ослабла любовь его къ родинѣ. И, несмотря на то, что никто до него и никто послѣ, — не прославлялъ такъ польскую землю, небо и лѣса, его имя перешло къ потомству какъ имя ренегата, какъ имя даже не польскаго художника. На славѣ Орловскаго будетъ вѣчно лежать неизгладимымъ пятномъ добровольная поѣздка въ Россію и пребываніе въ Петербургѣ».

Отнесемъ же и мы Александра Осиповича Орловскаго къ числу русскихъ художниковъ и не только потому, что онъ ренегатъ и изъ 55 лѣтъ своей жизни провелъ 30 въ Россіи, а потому что жизнь русскаго, а не польскаго народа была главнымъ источникомъ его вдохновенія, что онъ съ любовнымъ вниманіемъ изучалъ ея бытъ и оставилъ намъ многочисленныя о немъ воспоминанія, что онъ болѣе народенъ, чѣмъ многіе его русскіе собратья по профессіи. Онъ первый, наконецъ, за нѣсколько лѣтъ до Венеціанова и Теребенева, попытался внести въ хламъ академическихъ формулъ современнаго ему русскаго искусства свѣжую струю одухотворяющей жизни.

Художникъ такъ освоился съ русскими нравами, обстановкой и обычаями, что, за 30-тилѣтнее пребываніе въ Петербургѣ, не обнаружилъ ни малѣйшаго желанія побывать вновь на родинѣ. Да и чѣмъ бы объяснялось это желаніе и какіе слѣды могли оставить въ его сердцѣ первые годы сознательной жизни, кромѣ горя неудачъ и скорби жгучаго

разочарованія? Развѣ не Россія дала ему все то, чего въ Польшѣ онъ достигнуть не могъ, и развѣ не русская земля превратила безшабашнаго гуляку, шута и паяца въ извѣстнаго художника, имѣвшаго при жизни чуть не европейское имя? При томъ стеченіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ въ юности Орловскому выходить не удавалось, можно предполагать съ гораздо бѣльшимъ основаніемъ, что если бы онъ остался на родинѣ, то его незаурядныя способности именно тамъ, а не въ Россіи, какъ увѣряютъ поляки, стали бы дѣйствительной жертвой его безпокойнаго темперамента. И если бы художникъ, обязанный Россіи развитіемъ таланта, славой и положеніемъ, не привязался къ своему новому отечеству всѣми сплами помысловъ, онъ бы выказалъ странную къ нему неблагодарность. — Его жизнь и артистическая дѣятельность снимаютъ съ него возможность такого упрека.

Вотъ почему Орловскій, полякъ по рожденію, долженъ занять мѣсто, отвѣчающее его таланту въ исторіи русскаго искусства. И если она не увѣнчаетъ его лаврами безсмертія, то сниметъ съ памяти художника «неизгладимое пятно», которымъ стремятся заклеить ее съ преступнымъ легкомысліемъ не безпристрастные сородичи.

ГЛАВНѢЙШЕ ИСТОЧНИКИ.

- 1) Архивъ Академіи Художествъ 88/1824, 56/1826, 118/1827, 14/1832.
- 2) Архивъ Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора 6/901, д. 5, связка 1677; 352/1343, д. 97, л. 311.
- 3) Ровинскій. «Словарь русскихъ граверовъ», стр. 483.
- 4) Ровинскій. «Словарь портретовъ», стр. 1181 и прибав., стр. 716.
- 5) «Сборникъ Матеріаловъ для исторіи Академіи Художествъ» — Петровъ. I, 527, 551. II, 186, 210, 271, 273, 278.
- 6) «Старые Годы». Июль — Сентябрь 1908. Статья бар. Н. Н. Врангеля, стр. 388 — 396.
- 7) Тоже, Июнь 1907. Статья бар. Н. Н. Врангеля, стр. 157.
- 8) «Иллюстрація» 1860, № 109, стр. 130, 146, 167, 183.
- 9) «Русская Старина» 1873, т. 7, стр. 123.
- 10) Тоже, 1876, т. 16, № 7, стр. 553 — 81. Очерки О. Пржецлавскаго.
- 11) Тоже, 1901. Мартъ, стр. 634.
- 12) Рамазановъ. «Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи». М. 1863, стр. 234.
- 13) «Воскресный досугъ», т. II, № 35, стр. 151 — 6.
- 14) «Иллюстрированная газета» 1868, т. 22, № 46.
- 15) «Литературные листки». Изд. Булгарина 1824 г. I, стр. 146.
- 16) Бенуа. «Исторія русской живописи», стр. 28.
- 17) Касьяновъ. «Наши чудодѣи». 1875, стр. 134 — 161.
- 18) Пыляевъ. «Замѣчательные чудаки». 1898, стр. 295.
- 19) Fortia de Piles. «Voyage de deux français» 1796, V.
- 20) «Guide to St. Petersburg». London. 1835, II, стр. 142.
- 21) «Słownik Malarzów polskich» E. Rastawiecki, tom II. Warszawa, 1851. Словарь польскихъ живописцевъ Растваецкаго, стр. 76 — 84.

22) «Słownik rytowników polskich» Julian Kołaczkowski. Lwów 1874.
Словарь польскихъ граверовъ Колачковскаго, стр. 43 — 46.

23) «Przegląd Literacki Kraju. Drugie półrocze» 1890 г. № 29, 30, 31.
Литературный обзоръ. Изъ воспоминаній С. Моравскаго. Второе полу-
годіе.

24) «Słownik Rytowników polskich» E. Rastawieckiego. Poznań. 1886.
Словарь польскихъ граверовъ Раставецкаго.

25) «Pamiętnik Sztuk Pięknych wydany pod kierunkiem W. Podcza-
szyńskiego» Памятникъ искусствъ, изданный подъ редакціей Подчашин-
скаго, т. 1, ч. 1, стр. 154 — 160.

26) «Sto lat dziejów malarstwa w Polsce. 1760 — 1860». Dr. Jerzy
Muciński. Sto лѣтъ исторіи живописи въ Польшѣ, Георгія Мицельскаго,
стр. 193 — 253.

27) «Tygodnik Ilustrowany», rok 1902, № 48, 49. Иллюстрированный
еженедѣльникъ, статья Мирановскаго.

28) Wystawa dzieł Alexandra Orłowskiego. Warszawa. Выставка
произведеній А. Орловскаго. 1910. Статья В. Татаркевича.

29) «Dziennik Petersburski», № 247, 1910. Дневникъ Петербург-
скій. Статья А. Боравскаго.

30) «Świat». 1910, № 46. Свѣтъ. Статья А. Боравскаго.

31) «Rozwój malarstwa polskiego» część I. Maryan Olszewski. Kraków.
1907. Развитие польской живописи. Ольшевскій, стр. 73 — 83.

По принятой мною въ предыдущихъ двухъ выпускахъ «Русской Карикатуры» системѣ, монографія объ Орловскомъ дополняется прилагаемымъ спискомъ гравюръ и литографій съ его произведеній. Подобнымъ спискамъ, какъ я уже указывалъ неоднократно, нельзя, въ виду скудости матеріаловъ, придавать исчерпывающаго значенія. Повтореніе этого указанія особенно необходимо въ данномъ случаѣ. Творчество Орловскаго настолько разнообразно, и количество его рисунковъ, воспроизведенныхъ на мѣди или камнѣ, какъ имъ самимъ, такъ и другими мастерами, настолько велико, что ни источника, ни коллекціи общественной или частной, могущей отвѣтить понятному желанію ознакомиться съ исчерпывающимъ перечнемъ подобнаго рода работъ, я указать не могу. Наиболѣе богатое, въ этомъ отношеніи, собраніе сенатора Е. Е. Рейтерна, которымъ я, благодаря неисчерпаемой любезности его владѣльца, пользовался по обыкновенію широко — очень далеко отъ полноты. Также неполно и перечисленіе Ровинскаго; — польскіе біографы указываютъ довольно большое количество листовъ и изданій, ему совершенно неизвѣстныхъ; не удалось многихъ изъ нихъ видѣть и мнѣ. Нужно полагать, что всѣ эти листы, или громадное ихъ большинство, относятся къ польскому періоду дѣятельности художника, въ Петербургскихъ собраніяхъ вовсе не представленному. Снимая съ себя, такимъ образомъ, возможность упрека въ неполнотѣ приводимыхъ мной свѣдѣній, я пользуюсь случаемъ повторить мою покорнѣйшую просьбу къ

нашимъ знатокамъ и любителямъ: не отказать въ доставленіи необходимыхъ дополнительныхъ указаній. Полнота въ томъ или другомъ отдѣлѣ русской иконографіи или библиографіи, благодаря неблагоприятнымъ условіямъ, которыми обставлены у насъ такія работы, можетъ быть достигнута лишь путемъ совмѣстныхъ и дружныхъ усилій лицъ, интересующихся этими вопросами, — путемъ взаимной, доброжелательной помощи. О такой помощи я и рѣшаюсь ходатайствовать.

Представляемая свѣдѣнія о гравюрахъ и литографіяхъ съ рисунковъ Орловскаго составлены, главнымъ образомъ, по Словарю граверовъ Ровинскаго, существенно въ этомъ отношеніи дополненному, по собранію Е. Е. Рейтерна и по польскимъ источникамъ. Большинство изъ воспроизведенныхъ въ настоящемъ очеркѣ рисунковъ взято изъ замѣчательнаго собранія произведеній Орловскаго, принадлежащаго Е. Г. Швартцу и унаслѣдованному имъ отъ А. Томилова, въ усадьбѣ котораго, какъ уже указано въ моемъ текстѣ, художникъ долго и часто гостилъ и много работалъ. Изъ трехъ громадныхъ альбомовъ, предоставленныхъ въ мое распоряженіе, съ свойственной ихъ владѣльцу любезной предупредительностью, взяты наиболѣе интересные матеріалы, до изучаемаго предмета относящіеся, — всего около 30 карикатуръ.

Принося обоимъ названнымъ собирателямъ искреннюю признательность за ихъ просвѣщенную помощь, я покорнѣйше прошу принять выраженіе такой же признательности хранителей Императорской Публичной Библиотеки и Музея Императора Александра III: В. И. Сайтова и П. И. Нерадовскаго, предоставившихъ мнѣ возможность ознакомиться съ необходимыми источниками и матеріалами, а также Е. Н. Тевяшова и князя В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова, изъ собраній которыхъ воспроизведено нѣсколько листовъ.

Августинъ Орловскаго.

ГРАВЮРЫ

и

АВТОГРАФИН

ГРАВЮРЫ *).

СЪ ОВОЗНАЧЕНІЕМЪ ГОДА.

1. * АВТОПОРТРЕТЬ, грав. Дитрихомъ. 1798.
2. * ЛОШАДИНАЯ ГОЛОВА и фигура мальчика. A. Orłowski fec. 1799. (Колачковскій).
3. * ЛОШАДИ ОКОЛО ЛѢСА, идущія на водопой, съ подписью Орловскаго. 1800. 4°. (Колачковскій).
4. * ЛОШАДЬ ВЪ ЛАНДШАФТѢ. 1800. 16°. Ров. 8.
5. ЛОШАДЬ ВЪ ЛАНДШАФТѢ.
На первомъ планѣ лошадь; сзади еще три. Очевидно того же года. Ров. 9.
6. ARMY OF RUSSIA, containing the uniforms in portrait of the russian soldiery. L. s. d. Price 1.1.0 coloured. Sold by Longman and C^o white Fleet street Ostel P. N. K. Vernor and Hood Poultry. Champante

*) Всѣ листы, въ описаніяхъ которыхъ пѣтъ ссылки на Ровинскаго въ его «Словаряхъ» не значатся. Звѣздочкой отмѣчены листы, которыхъ мнѣ видѣть не удалось.

and C^o and all the Booksellers in Town and Country. London 1807. Published by Edwd Orme. Bond street, the corner of Brook street.

Это заглавіе находится на картинкѣ, украшающей картонажъ изданія. Картинка изображаетъ двухъ людей, вдушихъ въ сапяхъ парой, спиной къ зрителю; изъ нихъ одинъ въ треугольной шляпѣ, сзади гайдукъ. На заглавномъ листѣ—другое заглавіе слѣдующаго содержанія: COSTUME (THE) OF THE RUSSIAN ARMY from a collection of Drawings made on the spot and now in the possession of Lord Rinnaird, containing a portrait of the Emperor 1) The Body Guard. 2) Foot Guards. 3) Chasseur Guards. 4) Guard at night. 5) Infantry. 6) A sailor. 7) A soldier of the police. 8) A Cosack. — Портретъ Александра I поясной, съ Pinchon и 8 формъ русскихъ войскъ, съ рисунковъ Орловскаго, нѣсколько стилизованныхъ для Англій. Всѣ рисунки раскрашены, подъ портретомъ подпись гравера Godby.

7 — 63. 57 ЛИСТОВЪ, ДЛЯ КАВАЛЕРІЙСКИХЪ ПОЛКОВЪ, съ изображеніями кавалеристовъ, конныхъ по пѣшему, упряжки лошадей и прочихъ принадлежностей кавалерійскаго дѣла.

Изъ нихъ первые 22 листа перенумерованы: № 1 — 22; остальные 35 остались безъ нумеровъ. На нѣкоторыхъ листахъ есть монограмма Орловскаго, на одномъ и годъ: «1808». — Всѣ гравированы въ однихъ очеркахъ, безъ тѣней, крѣпкой водкой, въ большой листъ; доски находятся въ Академіи Художествъ. Въ Журналѣ Совѣта Академіи 1 Октября 1810 года, § 10, записано объ этихъ доскахъ слѣдующее: «Представленныя Господиномъ Вице-Президентомъ — полученныя имъ приписки отъ г. Полковника и Адъютанта Его Высочества, Ивана Григорьевича Лагоды, по тремъ счетамъ 2369 руб. 9 коп., за слѣдующія Академикомъ Орловскимъ рисунки, выгравированные и отпечатанные при Академіи для Кавалерійскихъ полковъ, записать въ приходъ въ настольный и кому слѣдуетъ по счетамъ заплатаить». Два листа пагравированы самимъ Орловскимъ, въ видѣ образцовъ для академистовъ Академіи Художествъ, которыми выгравированы остальные 53 листовъ: 1) Гусарь верхомъ въ парадной формѣ съ монограммой и датой 1808 и 2) Такой же гусарь, съ одной монограммой. Оба въ 6. листъ. Петровъ, Матер. I. 551. Ров. 29, 30, 65 — 121.

64 — 79. 16 листовъ военныхъ формъ, грав. контуромъ:

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ стрѣлковой роты, съ подписью налѣво Alexandre d'Orlowsky del. et fec.

Два рядовыхъ съ ружьями, вдали сраженіе. Неконченый отпечатокъ (безъ киверовъ) въ собраніи Е. Рейтерпа.

ОФИЦЕРЫ ПѢХОТНОЙ СТРЕЛКОВОЙ ЧАСТИ. Внизу налѣво подпись Alexandre d'Orlowsky del. et fec.

Двѣ фигуры въ треуголкахъ, сзади налѣво сраженіе.

РЯДОВЫЕ АРМЕЙСКОЙ АРТИЛЛЕРІИ.

Два рядовыхъ и двѣ пушки сзади.

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЫ ГВАРДЕЙСКОЙ КАВАЛЕРІИ.

Два унтеръ-офицера, вдали трое верхомъ.

ГВАРДЕЙСКАЯ КОННАЯ АРТИЛЛЕРИЯ.

Два трубача, вдали всадники, передъ которыми везуть пушку.

ПѢХОТНЫЕ БАРАБАНЩИКИ.

Два барабанщика, изъ которыхъ правый обращенъ спиной.

СТРѢЛКОВЫЕ ВАЛЬТОРНИСТЪ И БАРАБАНЩИКЪ.

Двѣ фигуры, барабанщикъ направо.

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЫ Л.-ГВ. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ПОЛКА. Налѣво подпись Alexandre d'Orlowsky del. et fec.

Двѣ фигуры, сзади учение.

РЯДОВЫЕ ЛИНЕЙНОЙ ПѢХОТЫ.

Двѣ фигуры съ ружьями, у правой фигуры ружье на плечѣ.

ОФИЦЕРЫ НѢХОТНЫХЪ ЧАСТЕЙ.

Двѣ фигуры, сзади насыпь, на которой видѣются нѣсколько пушекъ.

ОФИЦЕРЫ ГВАРДЕЙСКОЙ КАВАЛЕРИИ.

Двѣ фигуры, направо вдали двѣ пушки.

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЫ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ИЛИ СЕМЕНОВСКАГО ПОЛКОВЪ.

Двѣ фигуры, сзади еще двѣ фигуры и лагерь.

БАРАБАНЩИКИ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ИЛИ СЕМЕНОВСКАГО ПОЛКОВЪ.

Двѣ фигуры, вдали еще четыре барабанщика.

УНТЕРЪ - ОФИЦЕРЫ АРМЕЙСКОЙ АРТИЛЛЕРИИ.

Двѣ фигуры, налѣво ядра и двѣ пушки.

РЯДОВЫЕ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ИЛИ СЕМЕНОВСКАГО ПОЛКОВЪ. Налѣво внизу подпись Alexandre d'Orlowsky del. et fec.

Двѣ фигуры, сзади лагерь и часовой.

ОФИЦЕРЫ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ИЛИ СЕМЕНОВСКАГО ПОЛКОВЪ. Налѣво внизу подпись Alexandre d'Orlowsky del. et fec.

Двѣ фигуры, сзади ученье: офицеры и нѣсколько рядовыхъ.

Всѣ 16 листовъ въ форматѣ м. листа, въ вышину. Исполнены эти листы около 1808 года; всѣ они безъ заглавія. Ров. 13 — 28.

80 — 88. RUSSIAN CRIES, in correct Portraiture from Drawings done on the Spot by G. Orlowski; and now in the Possession of the R^t Honble Lord Kinnaird. 1809: Rubd. March 25 et Sold by Edwd. Orme,

Printseller to the King, Engraver et Publisher, Bond St. corner of Brook St. London.

Этотъ адресъ помѣщенъ подъ всѣми картинками; кромѣ того подъ всѣми находится подпись: «G. Orlovski del^t. — J. Godby sculpt^t». Девять картинокъ, гравированныхъ съ рисунковъ Орловскаго, принадлежащихъ Лорду Кипперду: 1. Извозчикъ въ саняхъ везетъ двухъ дамъ: это заглавный листъ съ приведенной выше подписью. 2. «Kalatche Khorosh — a sort of White Bread». — Калачникъ. 3. «Ikra Svija — Kaviar fresh». — Продавецъ свѣжей икры. 4. «Water Carrier». — Парень, несущій два ведра воды на коромыслѣ. 5. «Miasnick; or Butchers Meat». — Два мясника везутъ въ санкахъ провизію. 6. «Pasouda Khoroché — Grood Turnery Wares». — Продавецъ посуды везетъ ее въ санкахъ. 7. «Kvasz Choroche or Cranbery liquor good». — Квасникъ. 8. «Sbiten goriatchi — Tea hot». — Сбитенщикъ. 9. «A Peasant in a Too Loop». — Мужикъ въ тулупѣ. — Всѣ картинки раскрашены и гравированы рѣзцомъ, пунктиромъ и карандашной манерой. Пов. 122 — 130.

89. КОРОВА ОТДЫХАЮЩАЯ, съ подписью налѣво внизу: A. d'Orlowsky fecit. 1813 — 4°.

Корова, отдыхающая спиной къ дереву, налѣво хата. Пов. 2.

90. КОРОВА ПАСУЩАЯСЯ, съ подписью направо, внизу A. d'Orlowsky fecit. 1813 — 4°.

Пасущаяся у пруда корова, налѣво подѣзжаетъ фургоны, запряженный двумя лошадьми, направо, на горкѣ — деревня. Обѣ вещицы заимствованы съ гравюръ Поттера, съ измѣненіями въ подробностяхъ. Пов. 1.

91. МОРСКОЙ ВИДЪ, направо внизу A. d'Orlowsky. 1813 — 4°.

Большой корабль, налѣво къ нему приближается лодочникъ. Пов. 3.

92. СТЕПНЯКЪ, съ подписью налѣво внизу A. d'Orlowsky. 1813 — 4°.

Лежащій у дерева казакъ, около него осѣдланная лошадь, направо два казачья верхомъ. Пов. 5.

93. КАЗАКЪ НА ЛОШАДИ. Съ подписью A. d'Orlovski. 1813. (Раставецкій).

На заднемъ планѣ выѣзжаютъ два казака верхомъ.

94. ДАВЫДОВЪ, Денисъ Васильевичъ. Ѣдетъ верхомъ (въ 6. листъ 1/2 влѣво), въ казакинѣ и ермолкѣ, сзади два гусара, слѣва лагерь. Painted by Orlovski in Russia. — Published and sold Jan. 20th. 1814, by edw' orme, Publisher to his Majesty et his R. H. M. Dubourg sculpt.

Грав. акватинтой. Бывали экземпляры, отпечатанные въ краскахъ. Рѣдкій листъ. Пов. Словарь портретовъ, стр. 546.

Бошо и Дендзансѣ въ саду Мекенино.

95. ПЛАТОВЪ, ГРАФЪ Матвѣи Ивановичъ, Войска Донского Войсковой Атаманъ.

Конный портретъ въ 6. листъ, $\frac{3}{4}$ вправо, въ правой рукѣ держитъ булаву, которой указываетъ слѣдующимъ за нимъ казакамъ. А. Орловскій рис. Грав. Карделли, рѣздомъ. Грав. Е. И. В. Существуетъ уменьшенная копія, грав. пунктиромъ покладби. $\frac{3}{4}$ вправо безъ казаковъ. Count Platoff. Hetman of cossacks. Published in commemoration of the counts visit to London 1814. By Edw'd Orme July 11th 1814. Orlovski pinxit. Jas Godby sculpt proof. Во вторыхъ отпечаткахъ слово proof счищено. Ров. Словарь портретовъ, стр. 1530.

96. * И. А. ДМИТРЕВСКІЙ. 1814 — 40. Портретъ.

Вѣроятно рѣздомъ. (Колачковскій).

97. АЛЕКСАНДРЪ I, гуляющій по набережной въ ботфортахъ и треуголкѣ, въ листъ, $\frac{1}{2}$ влѣво; вдали крѣпость и корабли, грав. пунктиромъ. Eagleson pinxit. W. Bromley sculpsit. Alexander I, Emperor of all the Russias. London, published October 1, 1818 by R. Ackermann, Strand.

Ровинскій предполагаетъ, что портретъ гравированъ съ Орловскаго и основываетъ свое мнѣніе на томъ соображеніи, что около того же времени съ этого портрета была издана литографія, съ подписью: «D'après Orlovski». Ров. Словарь портретовъ, стр. 98.

98. * АЛЬБОМЪ ОДЕЖДЪ И УБОРОВЪ. 1828.

Гравюры по рисункамъ Орловскаго. (Колачковскій).

99. * АВТОПОТРЕТЪ. Рис. Орловскій въ 1817 г., грав. Келисинскимъ въ 1837 г.

БЕЗЪ ОВОЗНАЧЕНІЯ ГОДА.

100. * АВТОПОРТРЕТЪ. По автолитографіи Орловскаго, грав. Пиварскимъ.

101. * АВТОПОРТРЕТЪ съ двумя собаками. (Колачковскій). Ров. 11.

102. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ, Михаилъ Илларионовичъ, Генералъ-Фельдмаршалъ, князь Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій.

Конный портретъ въ 6. листъ, слѣва свита, справа видна битва. Рис. Орловскій, грав. Карделли. Гравюра рѣздомъ. Съ этого портрета было три копія, изъ которыхъ двѣ — въ меньшемъ размѣрѣ. Ров. Словарь портретовъ, стр. 492.

103. ВИТГЕНШТЕЙНЪ, ГРАФЪ Петръ Христіановичъ.

Конный портретъ въ 6. листъ, $\frac{3}{4}$ влѣво, въ гусарскомъ мундирѣ и киверѣ. Рис. А. Орловскій, грав. Карделли. Гравюра рѣздомъ. Ров. Словарь портретовъ, стр. 440.

104. * **КАЗАКИ ВЪ ПОХОДѢ.** Въ продольный листъ.
Исполнено по акварели Орловскаго. (Раставедкій).
105. * **A DON COSSACK.** Донской казакъ, верхомъ, вправо.
Грав. на мѣди и раскрашенъ.
106. * **A COSSACK OF THE OURAL MOUNTAINS.**
Уральскій казакъ, тоже грав. на мѣди и раскрашенъ. Подъ обоими листами
подпись: Orłowski pinx't. London, Publish'd 1 Jan-y. at R. Ackerman's Repository of
Arts. 101. Strand.
107. * **ФОНТАНЪ ИЗЪ ФАЛЛЮСОВЪ** съ нимфами и тритонами.
(Колачковскій).
№№ 101 и 107 цензурнаго свойства. Ров. 12.
108. * **ZWIERZĘTA NA KRAJOBRAZIE.** (Koń Większy). 4°. (Колач-
ковскій). Звѣри въ ландшафтѣ. (Большая лошадь).
Быть можетъ это то же, что № 4. Ров. 10.
109. **ГРИФОНАЖЪ**, состоящій изъ семи предметовъ.
Вверху три головки: калмыка, самого Орловскаго (?) и Дмитрія Адамовича
Олсуфьева; всѣ три въ шапкахъ. Внизу мужичекъ съ палкой, голова коровы, пор-
третъ архитектора Кваренги, въ карикатурѣ, и ландшафтъ съ двумя фигурами.
Ров. 4.
110. **ТРОЙКА.** Маленькая доска, на которой награвирована сухой
иглой несущаяся тройка, кучеръ черкесь размахиваетъ кнутомъ.
Ровинскій приписываетъ этотъ листъ Орловскому, какъ миѣ кажется оши-
бочно; онъ мало напоминаетъ его манеру. Собраніе Е. Н. Тевяшова. Ров. 30а.
111. * **ПОВОЗКА**, возы и сани.
4 листа, грав. К. Суръ. (Колачковскій).
112. * **ЖОКЕЙ НА КОНѢ**, на всемъ скаку. 16°. (Колачковскій).
Ров. 6.
113. * **ОТДЫХАЮЩІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ**; кони его отпряжены. 4°. (Колачковскій). Ров. 7.
114. * **КИБИТКА СЪ МУЖЧИНОЙ**, около нея выпряженныя ло-
шадьи. 4°. (Колачковскій).
Можетъ это не гравюра, а литографія; у Колачковскаго это не вполне ясно.
115. **ПОСѢЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРОМЪ ПАВЛОМЪ КОСТЮШКО**
въ тюрьмѣ. London, published by Anth-y Molteno, Printseller to Her Royal

Highness Dutches of York, № 29. Pal Mall. Alexander Orlowski del. Thos
Gaugan Sculpt. — Безъ заглавія.

116. ОСВОБОЖДЕНІЕ ИМПЕРАТОРОМЪ ПАВЛОМЪ КОСТЮШКО
изъ неволи и возвращеніе ему шпаги. Тѣ же подписи. — Безъ заглавія.

Обѣ гравюры исполнены рѣзкомъ и пунктиромъ; нѣкоторые экземпляры рас-
крашены отъ руки.

ЛИТОГРАФІИ.

СЪ ОБОЗНАЧЕНІЕМЪ ГОДА.

1. ВСАДНИКИ. Въ листъ въ длину. Направо наверху подпись:
A. Orlowsky 1816 и обозначеніе мѣсяца марта (III).

Три всадника (хевсурь?) ѣдутъ влѣво, первый нагайкой указываетъ дорогу,
направо на верху замокъ. Во вторыхъ оттискахъ замка нѣтъ и рисунокъ дерева
оттѣпечъ. Это одна изъ первыхъ, появившихся въ Россіи, литографій. Появилась
она въ рѣдчайшемъ альбомѣ, подъ заглавіемъ: «Premier essai de la gravure sur
pierre, faite à St. Pétersbourg au mois de Novembre 1816». — 4°. Въ длину. (Сообщено
В. Я. Адарюковымъ по экземпляру Имп. Эрмитажа). Ров. 38.

2. * БАШКИРЪ И КИРГИЗЪ ВЕРХОМЪ. Въ листъ. Направо
наверху подпись: A. Orlowsky 1816.

Киргизъ указываетъ на дорогу нагайкой, палѣво замокъ. Дружка предыду-
щему листу. Ров. 37.

3. КАЗАКЪ ВЕРХОМЪ, вправо, съ пикой за плечами; впереди
двое верховыхъ, отъ второй лошади видна одна голова. Внизу палѣво
на самой литографіи подпись: Helmersen 1818.

По всѣмъ вѣроятіямъ съ Орловскаго. Дружка № 43.

4. TRAVELLING POST in Russia with ledges. Drawn on stone by
I. J. From an original drawing by Orlowsky. London published april 1818
by Boydell and C^o. № 90 Cheapside. Въ листъ, въ длину.

Тройка зимой, сзади подымается другая. Палѣво столбъ, на которомъ сидятъ
воронъ, вдали направо деревня.

5 — 10. COLLECTION DE DESSINS lithographiés par Alexandre
Orlowski № 1. Un courrier russe en télègue à trois chevaux. 2. Un voya-
geur en Quibitka, en trâineau à trois chevaux. 3). Un seigneur persan
à cheval en grand costume. 4). Un courde à cheval en costume guerrier.
5). Un persan se promenant à cheval, en fumant le khaliane porté par
son domestique. 6). Une femme du roi à cheval, conduite par un eunuque.

Le prix de chaque dessin séparé est de 25 roubles. La collection de six dessins, pour M. M. les souscripteurs est de 100 roubles. St. Pétersbourg. Au salon littéraire de Pluchart, imprimeur libraire, grande Morskoï, maison Kossikoffsky, № 84. 1819. — Въ 6. листъ.

Обложка и шесть литографій безъ заглавія. Встрѣчаются экземпляры, раскрашенные отъ руки. Листы эти продавались отдѣльно и по два въ особыхъ обложкахъ. На всѣхъ шести листахъ подпись: A. Orlowsky и годъ 1819, а также: imprimé à St. Pétersbourg chez Beggrow. Послѣдней подписи нѣтъ лишь на третьемъ листѣ. Этотъ листъ былъ переизданъ въ Лондонѣ въ 1821 году, съ заглавіемъ: A persian grandee on Horseback, London. Published by Rordwell and Martin, New Bond st. Feb. 1. 1821. Printed by C. Hullmandel. On stone by D. Dighton. Orlowsky ex nat. del.

Содержаніе рисунковъ слѣдующее:

1. Курьеръ съ сумкой на груди, въ военной формѣ, скачетъ въ карьеръ на тройкѣ; ящикъ съ крикомъ погоняетъ лошадей въ хвостъ и въ голову.

2. Почтовая тройка, сани съ кибиткой, въ ней виденъ закутанный въ шубу военный человѣкъ. Во вторыхъ отпечаткахъ адресъ Беггрова стертъ.

3. Персіанинъ верхомъ, въ высокой шапкѣ, на великолѣпномъ сѣлѣ; позади его видны еще двое верхами; сѣлва, вдали крѣпость.

4. Курдская конница, выѣзжающая изъ воротъ крѣпости. Кавалеристы одѣты въ кольчуги; передній съ огромнымъ хвостомъ пзъ павлиньихъ перьевъ на шпашкѣ; задній просто съ конскимъ хвостомъ, третій вовсе безъ хвоста; справа видны еще два всадника — одинъ въ шлемѣ (сарбазъ), другой въ чалмѣ. Въ первыхъ отпечаткахъ на полѣ оттиснута печать Орловскаго; во вторыхъ прибавленъ адресъ Беггрова и оттиснута печать съ монограммой Плюшара (А.Р.). — Въ собраніи Ровинскаго была очень хорошо сдѣланная копія съ этого листа безъ подписи Орловскаго съ слѣдующими подписями подъ рамкой: «Dessiné d'après l'original d'Orlowsky par Isfimoff. — Lithogr à l'Etat. Major. Impl.».

5. Персіанинъ верхомъ на лошади, на ходу куритъ кальянъ, который держитъ его слуга (тоже верховой).

6. Жена персидскаго Шаха верхомъ; впереди верховой указываетъ ей дорогу.

Первые отпечатки этихъ превосходныхъ рисунковъ сдѣланы на толстой бумагѣ, съ клеймомъ герба Орловскаго; вторые отпечатаны на тонкой бумагѣ, причемъ адресъ Беггрова стертъ. Послѣдніе два рисунка, въ измѣненномъ видѣ, включены въ путешествіе по Персіи Друвиля, подъ №№ 18 и 27, при чемъ группа съ курящимъ персіаниномъ награвирована Галактионовымъ. Эти два листа выходили и въ отдѣльной обложкѣ, подъ заглавіемъ: Seigneur persan se promenant à cheval et fumant son khaliane, porté par son domestique et femme du Shah voyageant à cheval, conduite par un eunuque, dessinés . . . и т. д. Ров. 41 — 46.

11. FANTAISIES DESSINÉES lithographiquement par Alexandre Orlowsky 1819. — Въ листъ.

Фронтисписъ, изобр. вооруженія двухъ рыцарей, окруженныхъ принадлежностями того же вооруженія. Въ собраніи Е. Рейтерна есть отпечатокъ до текста. По удостовѣренію академика Гельмерсена, изображенія оружія заимствованы изъ арсенала В. К. Константина Павловича. Этотъ фронтисписъ прилагался къ нѣкоторымъ экземплярамъ альбома, изданнаго Орловскимъ въ 1826 г. Ров. 40.

Валторниста.

Неизвестный.

Трактирный слуга.

12. МУШКАТЕРЪ ВЕРХОМЪ (безъ заглавія). Въ листъ. Направо внизу подпись: А. Orłowsky 1819.

Мушкатель верхомъ ѣдетъ вѣво, за нимъ двое въ каскахъ тоже верхомъ. Собрание Е. Е. Рейтерна.

13. КРЕСТЬЯНИНЪ ВЕРХОМЪ (безъ заглавія). Въ листъ. Направо, внизу монограмма съ годомъ 1819.

Крестьянинъ разговариваетъ съ двумя землекопами, изъ которыхъ одинъ сидитъ, а другой стоитъ, опираясь на лопату. Этотъ листъ въ новомъ отпечаткѣ прилагался къ альбому Орловскаго, изданному въ 1826 г. Ров. 111.

14. РЫЦАРЬ И ДВА ВОИНА (безъ заглавія). Въ листъ. Надѣво внизу неразборчивая подпись: А. Orłowsky 1819; направо тоже внизу: А. О. 1819. — Lith de P. de Helmersen.

Рыцарь въ шлемѣ, опираясь на бердышъ разговариваетъ съ двумя сидящими людьми въ круглыхъ шапкахъ съ перьями. Ров. 39.

15. АВТОПОРТРЕТЪ ПОЯСНОЙ, съ непокрытой головой, съ рейсфедеромъ въ рукѣ, въ овалѣ, въ листъ, въ вышину; внизу кругомъ подпись: «Natus Varsaviae Anno 1777. Aetatis 43 se ipsum fecit» монограмма и годъ 1820.

Были оттиски топомъ. Ров. 31.

16—17. PORTE-FAIX RUSSE, transportant du bois sur une charette et traîneau chargé de farine conduit par un isvochik, dessinés lithographiquement par M-r Alexandre Orłowski. Prix 50 Rbl. St. Pétersbourg, au dépôt lithographique, chez Alexandre Pluchart, imprimeur libraire, grande Morskoy, maison Kossikoffski, № 84. 1820. Въ 6. листъ. Обложка и двѣ литографіи.

1) Извозчикъ выѣзжаетъ съ возомъ овса въ куляхъ изъ воротъ, на дровняхъ позади еще двое; въ открытыя ворота виденъ легковой извозчикъ: «А. Orłowsky 1820», адресъ Бегрова и гербъ Орловскаго.

2) Извозчикъ съ возомъ дровъ, на полкахъ; онъ остановилъ лошадь и подтягиваетъ коломъ дровиныя связи; справа сбитенщикъ наливаетъ двумъ жителямъ сбитень; слѣва открытыя ворота, изъ которыхъ только что выѣхалъ дровяникъ. Подпись внизу «А. Orłowsky 1820»; ниже адресъ Бегрова и гербъ Орловскаго Ров. 49, 50.

18—19. DROSCHKI DE VILLE et traîneau à deux chevaux, dessinés... и т. д. то же что и въ предыдущемъ изданіи. Въ листъ. Обложка и двѣ литографіи.

1) Военный въ треуголкѣ, закутавшись въ шпелъ съ мѣховымъ воротникомъ, катитъ въ саняхъ на лихой парѣ. Справа будочникъ отдаетъ ему честь класси-

ческой алебардой: «A. Orłowsky 1820», и адресъ литографіи Беггрова съ гербомъ Орловскаго.

2) Франтъ на дрожкахъ парой съ завивающеюся кольцомъ пристлжной; онъ вставляетъ въ правый глазъ монокль, а въ лѣвой рукѣ держитъ хлысть, сбоку бѣжитъ его собака: «A. Orłowski 1820», и адресъ литогр. Беггрова съ гербомъ Орловскаго. Пов. 51, 52.

20—21. БИРЖА И ЕМСКОЙ БАЗАРЪ. Cochers de louage en hiver et marché aux cochons et au foin dessinés lithographiquement par Mr. Alexandre Orłowski. Prix 50 roubles. St. Pétersbourg, au dépôt lithographique, chez Alexandre Pluchart, Imprimeur-Libraire, grande Morskoy, maison Kossikoffski. № 84. 1820. Imperial folio.

Два листа въ обложкѣ. Первый листъ представляетъ извощичью биржу: справа логочникъ продаетъ гороховый кисель; слѣва еще два продавца, — съ калачами и пирогами; позади ихъ мужичекъ разговариваетъ съ жандармомъ; по срединѣ колода, у которой четверо сапей въ одиночку; на колодѣ надпись: «A. Orłowsky 1820»; Lithog: de J. Beggrow. St. Pétersbourg и гербъ Орловскаго.

Второй листъ изображаетъ базаръ на Сѣнной; слѣва на первомъ планѣ стоять торчкомъ свиныя замороженныя туши, справа разнощикъ съ гречневиками, далѣе подвода съ разными съѣстными припасами, разношники и всякій пародъ. — Внизу: «A. Orłowski 1820» и гербъ Орловскаго. Пов. 47, 48.

22 — 23. PATROUILLES DE KIRGUISES et de cosaques de la mer Noire, dessinés... и т. д. то же, что и въ предыдущемъ номерѣ. Въ 6. листѣ. Обложка и двѣ литографіи. Въ обоихъ листахъ имѣется только подпись «A. Orłowski 1820», безъ обозначенія литографа.

1. Два башкира верхомъ, лошади ихъ обращены лѣво; справа видно ихъ еще трое. У передняго винтовка съ двумя присошками, лукъ и колчанъ, наполненный стрѣлами. 2. Два линейные казака верхомъ: передній спиною къ зрителю; позади слѣва видны еще два казака, справа избушка. Пов. 53, 56.

24. БАШКИРЪ ВЕРХОМЪ ѣдетъ вправо; за плечомъ на правой сторонѣ пика; за нимъ видны еще нѣсколько башкировъ верхомъ, поднимающихся въ гору; внизу по срединѣ подпись «Александровъ 1823».

Копія съ Орловскаго. Пов. 120 (6).

25 — 40. ALBUM DEDIE à SON ALTESSE Imperiale Monseigneur le Grand-Duc Michel, contenant seize lithographies, d'après les dessins originaux d'Orłowski, exécutées par M-r Drouillère, peintre d'histoire, auteur du frontispice. Publié par F. St. Félix, propriétaire éditeur. Permis d'imprimer St. Pétersbourg, ce 3 Décembre 1823. Charles de Poll. Censeur. St. Pétersbourg, lithographiés chez M. M. Helmersen et Pluchart, 1823. Въ мал. листѣ.

4 страницы посвященія въ стихахъ, фронтисписъ съ бюстомъ Орловскаго въ лучахъ, окруженный принадлежностями живописи и 16 раскрашенныхъ лито-

графій слѣдующаго содержания: 1. Турокъ въ чалмѣ, поясное изображение. 2. Наброски 12 головокъ контуромъ (черные). 3. Ксеидзъ въѣво, въ рукѣ крестъ и четки, вдали сельская церковь. 4. Мужикъ, опирающійся на палку; вдали избы. 5. Толстякъ въ креслѣ, опирающійся на трость, на столѣ слѣва кружка пива. 6. Верховой въ круглой шляпѣ, въѣво. 7. Двѣ коровы, одна лежитъ, другая стоитъ, сирава изба и заборъ. 8. Мужикъ съ котомкой на спинѣ идетъ вправо съ палкой. 9. Монахъ-кармелитъ идетъ вправо съ кружкой въ рукѣ. 10. Толстякъ поваръ сидитъ на стулѣ, курить трубку, на головѣ колнакъ. 11. Толстый военный смѣется; одѣтъ въ красный фракъ съ треуголкой на головѣ, въ высокихъ сапогахъ, лѣвой рукой держитъ саблю. 12. Гусаръ верхомъ въѣво, съ головой обернутой тоже направо. 13. Толстый англичанинъ, на плечи къ нему лѣзетъ обезьяна; на стѣнѣ виситъ картина, изображающая № 14 настоящаго изданія. 14. Медвѣдь предлагающій воронамъ лапти, на шею къ нему карабкается орелъ (Россія, Франція и пѣмедкя государства). 15. Двѣ дурацкія фигуры въ колпакахъ. 16. Персіянинъ въ мѣховой шапкѣ; поясное изображение. Рѣдчайшее изданіе, неизвѣстное Ровинскому, перечисляющему лишь отдѣльные его листы (8—28). Съ превосходнаго экземпляра, въ обложкѣ, сенатора Е. Е. Рейтерна.

41. ПРОБЪЗКА РЫСАКА. Внизу справа: «A. Orłowski 1824». Въ малый листъ.

Кучеръ на бѣговомъ волочкѣ, въ одиночку, влетъ вправо, сбоку верховой; позади у стѣны дома остановилась публика; лѣвѣ дрожки; лакей разговариваетъ съ кучеромъ. Пов. 54.

42 — 51. SOUVENIRS DE SAINT-PÉTERSBOURG. Collection de 38 Lithographies représentant des sujets nationaux (des équipages de ville et de voyages). Dessinés par divers Artistes. (A. P). St. Pétersbourg (de la lithographie d'Alexandre Pluchart, imprimeur - Libraire. 1825. Въ листъ, въ длину.

38 литографій, изъ которыхъ съ рисунковъ Орловскаго заимствованы слѣдующіе сюжеты: 4. Un Traîneau de ville, à 2 chevaux. 5. Un Droschki de seigneur à 2 chevaux. 7. Un Marchand de bois à brûler, sur un Rospouski. 8. Un portefaix transportant des sacs de farine, en hiver. 11. Traîneaux de louage, Marchand de Poissons, etc. 12. Cochers. Marchand de pains, de Blinis, etc. 18. Le Marché aux Cochons gelés. 19. Le Marché au foin. 22. Courrier extraordinaire, à 3 chevaux. 23. Voyageurs en Kibitka, grand traîneau à 3 chevaux. Большинство рисунковъ литографировано Александровымъ. Въ изданіи «Souvenirs» въ 46 листовъ, вошелъ, между прочимъ, и листъ Орловскаго «Пробъзка рысакъ». Пов. 29—64.

52 — 67. COLLECTION DE CRIS et costumes de paysans et paysannes de St. Pétersbourg... St. Pétersbourg... lithographie d'Alex. Pluchart. 1825. Въ м. листъ.

16 типовъ съ надписями Александрова, Кольмана и безъ подписей: 1. Грешневишникъ. 2. Маляръ съ тачкой. 3. Булочникъ. 4. Мясникъ. 5. Вашманшица. 6. Рыбакъ. 7. Молочница. 8. Сбитенщикъ. 9. Торговка. 10. Разнощикъ яицъ. 11. Обручникъ. 12. Чухонка. 13. Разнощикъ дичи. 14. Разнощикъ съ лѣбомъ.

15. Двое пьяныхъ. 16. Нюхальщикъ табаку. Изъ нихъ №№ 1, 6, 7, 8, 12, 13, 14, 15 и 16 копированы или заимствованы съ Орловскаго.

68. БУТУ. Портретъ Петербургскаго портного Буту съ обозначеніемъ года 1825 и монограммой Орловскаго. Въ очень б. листъ.

Миѣ не приходилось видѣть листовъ съ годомъ и монограммой. Пов. 34.

69 — 82 ALBUM RUSSE ou fantaisies dessinées Lithographiquement Par Alexandre Orłowsky... St. Pbg... A. Pluchart. 1826. Въ малый листъ.

14 литографій. Есть экземпляры раскрашенные. 1. Garçon vitrier à St. Pétersbourg. Стекольщикъ 1825. 2. Marchand de Paniers, à St. Pétersbourg. Разнощикъ съ корзинами. 1825. 3. Vendeur de thé au lait et au miel. Сбитенщикъ съ огромнымъ чайникомъ, кувшиномъ молока и стаканами: 1825. 4. Marchand de Melons et d'autres fruits. Торговецъ съ фруктами. 1825. 5. Dvornik. Gardien de Maison, allant chercher de l'Eau, à St. Pétersbourg. Дворникъ съ двумя ведрами на коромыслахъ и съ большимъ ковшемъ идетъ по воду: 1826. 6. Mougiques prenant du Tabac. Мужичекъ, заткнувъ за поясъ рукавицы, подучетъ кучера табакомъ изъ тавлинки. 7. Boulanger russe transportant des pains. Хлѣбникъ съ огромнымъ лоткомъ хлѣбовъ за спиною; 1825. 8. Marchande de Carottes, à St. Pétersbourg Баба торговка морковью: 1825. 9. Une Nourrice et un Soldat russes. Солдатъ разговариваетъ съ кормилицей: 1826. 10. Paysans russes revenant du Kabak. Два пьяныхъ мужика, — одинъ въ лаптяхъ, поетъ пѣсню; другой въ сапогахъ, — его клонитъ ко сну. 11. Un Cocher et un Mougique russes. Мужикъ въ треухѣ, отороchenомъ мѣхомъ, съ палкой въ рукѣ и котомкой за плечами, разговариваетъ съ кучеромъ: 1826. 12. Laitière et Marchand de pains d'Epices, à St. Pétersbourg. 1826. Молочница торгуетъ приныки у разнощика. 13. Un Boucher. Мясникъ съ лоткомъ говядины на правомъ плечѣ: 1826. 14. Marchand de Bignis: Gateaux russes. — Фабричный торгуетъ у разнощика блины: 1826. На всѣхъ этихъ листахъ (1—14) кромѣ 6 и 10 поставлены монограммы Орловскаго. Пов. 97-а — 110.

83 — 94. ALBUM RUSSE ou fantaisies dessinées lithographiquement par E. Lebshée d'après Alexandre Orłowski. Munic, chez J. M. Hermann. 1826.

12 листовъ съ Орловскаго; подъ всѣми, кромѣ послѣднихъ двухъ, подписи и обозначеніе издателя «Bey J. M. Hermann in München» или «München bey J. M. Hermann». 1. Boulanger russe transportant des pains. 2. Vendeur de thé au lait et au miel. 3. Garçon vitrier à St. Pétersbourg. 4. Marchande de carottes à St. Pétersbourg. 5. Marchand de melons et d'autres fruits. 6. Marchand de paniers à St. Pétersbourg. 7. Marchand de gibier. 8. Poissonier. 9. Une finlandaise. 10. Laitières. 11. Два мужика, одинъ другого угощаетъ нюхательнымъ табакомъ. 12. Двое пьяныхъ, вправо; одинъ засыпаетъ на ходу.

Вариантъ предыдущаго изданія подъ тѣмъ же заглавіемъ.

95 — 106. COLLECTION DE A. ORŁOWSKI. Contenant douze pièces. A St. Pétersbourg. Въ очень большой листъ. Безъ заглавія, кромѣ послѣднихъ четырехъ листовъ.

У Ровинскаго это изданіе описано певѣрно. Въ собраніи Е. Рейтерна, въ экземпляръ въ обложкѣ, имѣются слѣдующіе листы: 1. Молдаванъ верхомъ влѣво,

Неизвестный.

А. Богданова.

Неизвестный.

въ буркѣ и высокой шапкѣ, лицомъ къ зрителю. Ров. 53. 2. Турокъ верхомъ вправо, съ дротикомъ въ правой рукѣ; во второмъ изданіи помѣчено: Hamm. Lithog. de Müller, паѣво внизу монограмма Орловскаго и годъ 1823. 3. Погребщикъ, откупоривающій бутылку вина, слѣва большая бочка съ надписью: «Anno 1622. Rainvein»; справа на полу стоятъ шесть бутылокъ, седьмая лежитъ разбитая. Во второмъ изданіи внизу, въ лѣвомъ углу: «Hamm», а въ серединѣ: Lith. de Müller: Ров. 120 (1). 4. Докторъ на вѣсахъ, съ тѣми же подписями: «Hamm. Lith. de Müller» на второмъ изданіи. Ров. 120 (3). 5. Погребщикъ идетъ вправо, съ ключами въ лѣвой и кувшиномъ въ правой рукѣ; передъ нимъ идетъ кошка. Тѣ же подписи на второмъ изданіи. Ров. 120 (2). 6. Голова мужчины въ беретѣ, вправо, съ распушенными сѣдыми волосами. 7. Шахскій голашъ: воинъ всадникъ, стрѣляющій изъ винтовки на всемъ скаку: «1819». 8. Военная музыка: десять музыкантовъ съ духовыми инструментами и двое съ литаврами: «1819» Saut sur la planche par A. Orłowsky. St. Pétersbourg, Lith. de A. Pluchart «1827»; съ его монограммой. Двѣ дѣвки качаются стоя на доскѣ, положенной черезъ перекладину; одна сильно подпрыгнула: кричать со страха; парень, который сидитъ на серединѣ доски, смѣется. Кругомъ народъ. Во второмъ изданіи тѣ же замѣтки, что и въ слѣдующемъ листѣ. Ров. 115. 10. «Danse Russe villageoise par A. Orłowsky 1826 (подпись эта слѣлана сквозными буквами) St. Pétersbourg, Lith. de A. Pluchart». Подлѣ деревенской мелочной лавочки двое крестьянъ пляшутъ трепака, одинъ откалываетъ уже вприсядку; у стѣпки нащипываетъ свою балаалайку балаалежникъ; двое мужичковъ, справа, распиваютъ зелено-вино стаканчиками изъ штофа; трое другихъ и сама хозяйка, съ ребенкомъ на рукахъ, смотрятъ на пляшущихъ. Внизу монограмма Орловскаго и годъ: «1826». Во второмъ изданіи, съ подиравленнаго камня, на тонкой бумагѣ, подлѣ рамкой картинки прибавлено: «Hamm-Lith. de Müller»; сквозныя буквы подписи зачернены. Ров. 114. 11. Voyageurs en Hiver dans les Environs de St. Pétersbourg. Военный въ кибиткѣ на полозьяхъ, гошпитъ на тройкѣ вправо; на облучкѣ сидитъ его денщикъ въ большомъ башлыкѣ и нагольномъ тулупѣ. Внизу: «A. Orłowski 1826». Съ тѣми же замѣтками во второмъ изданіи. Ров. 113. 12. Voyageurs en Été dans les Environs de St. Pétersbourg. Почтальонъ съ сумкой на шеѣ и съ пимъ военный, который курить коротенькую трубочку; они ѣдутъ въ телѣгѣ, запряженной тройкой; справа показывается еще тройка. Внизу монограмма Орловскаго и годъ: «1826». Первое изданіе этого листа на толстой бумагѣ; второе на тонкой, съ прибавленіемъ внизу слѣва подписи: Hamm. и справа: Lith.-Müller. Ров. 112.

107. БИТВА КИРГИЗОВЪ СЪ КАЗАКАМИ. Въ 6. листъ въ длину.

На первомъ планѣ киргиз дерется съ казакомъ; справа свалившійся съ лошади раненый. Подпись А. Orłowsky. St. Pétersbourg. 1826. Ров. 116.

108. БИТВА ГРУЗИНЪ СЪ ГОРЦАМИ, слѣва лежатъ двое убитыхъ.

Подпись и размѣръ тѣ же, какъ и въ предыдущемъ листѣ. Ров. 117.

109. КАЗАКЪ ВЕРХОМЪ съ пикой за плечами; ѣдетъ влѣво: «Orłowsky 1830». Ров. 118.

110. ЧЕРКЕСЪ ВЪ ШЛЕМѢ верхомъ; ѣдетъ вправо; за нимъ два всадника «A. Orłowsky 1830». Imprimé chez I. Beggrow.

Ров. 120.

111. ГОРЕЦЪ ВЕРХОМЪ; ѳдетъ вѣво: «A. Orłowski 1830»; тотъ же адресъ и штемпель Орловскаго.

Три послѣднихъ листа были копированы, съ подписью: Hamm. Litho. de Müller. Ров. 120.

112. J. WIELMOŻNY PAN Ignacy Waśniński na Pyzdrach Pan Wojewoda Wyszagracki Herbu Odro Wąż, Natus 1699.

Ясповельможный Папъ Игнатій Воншипенки на Пыздрахъ, Папъ Воевода Вышаградскій, Герба Одро Воижъ, родился 1699. Эта надпись только по польски помѣщена направо вверху. Мопограмма Орловскаго съ годомъ 1831. Воевода изображенъ въ ростъ вѣво, правой рукой опирается на трость, лѣвой держится за эфесъ сабли, на груди большая звѣзда. Рѣдчайшій листъ, который въ «Очеркѣ по исторіи литографіи въ Россіи» В. Я. Адарюкова ошибочно названъ «упикой» и невѣрно значится подъ фамиліей «Важинскаго». Собрание Е. Е. Рейтерна.

113. АВТОПОРТРЕТЪ. Alexandre Orłowsky, né à Varsovie en 9 Mars 1777, mort en 1832. Peint par Alexandre Orłowsky, lithogr. par Belnos 1832. Imp. Lith. de Lemercier à Paris.

Во весь ростъ, рядомъ съ верховой лошадей, въ черкескомъ костюмѣ на фонѣ горнаго пейзажа.

114 — 117. «ORŁOSIADY» Zbiór rysunków A. Orłowskiego litografowany przez Bagmatowicza 1836 w Litogr. J. Oziębłowskiego. Wilno. Cenzor Tiukolnik.

Собрание рисунковъ А. Орловскаго, литографированное Бахматовичемъ, 1836, въ литогр. П. Озембловскаго. Вильно. Цензоръ Тюкольникъ. Четыре литографіи, издачныя Бахматовичемъ, который собрался издать такимъ же образомъ всѣ другіе рисунки Орловскаго, но ограничился только первымъ выпускомъ. 1. Черкесская одежда (по польски). Черкесъ въ ростъ, вправо. 2. Вивандьерка (по польски), въ ростъ, вправо, съ корзиной въ правой рукѣ. 3. Дровосѣкъ (безъ подписи) въ ростъ, вѣво; на спинѣ вязанка дровъ. 4. Киргизъ верхомъ (безъ подписи) вправо, въ шапкѣ, обшитой мѣхомъ, повернувшійся лицомъ къ зрителю. На всѣхъ листахъ, кромѣ перваго, обозначеніе именъ художника, литографа и литографіи. Рѣдчайшее издание. Въ собраніи Е. Е. Рейтерна.

БЕЗЪ ОБОЗНАЧЕНИЯ ГОДА.

118. БАШКИРЪ ВЕРХОМЪ, вѣво; за спинной колчанъ съ лукомъ и стрѣлою, за нимъ трое верховыхъ. Въ листъ, въ длину. Внизу обратная подпись Орловскаго русскими буквами.

119. ТУРОКЪ ВЕДЕТЪ ЗА УЗДЦЫ ЛОШАДЬ, вправо. Въ листъ, въ длину. Внизу обратная подпись Орловскаго русскими буквами.

120. ГОЛОВА ВЪ МѢХОВОЙ ШАПКѢ, лицомъ къ зрителю, съ черной бородой и усами. Въ 6. листъ.

121. ГОЛОВА МУЖИКА ИЗВОЩИКА въ бархатной шапкѣ, отороченной мѣхомъ. Въ листѣ. Монограмма Орловскаго.

Шапка и лицо подцвѣчены (съ камни) бистромъ. Пов. 35.

122. * ГОЛОВА СТАРАГО ПОЛЯКА по грудь, безъ бороды съ усами, въ шапочкѣ отороченной мѣхомъ. Справа монограмма Орловскаго.

Въ собраніи Е. Е. Рейтерпа есть голова поляка въ копфендераткѣ, съ мѣхомъ внизу, но монограммы Орловскаго на этомъ листѣ не имѣется. Пов. 36.

123 — 128. * ШЕСТЬ ЛИСТОВЪ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ ЖЕНЩИНЪ въ разныхъ костюмахъ, по одной на каждомъ листѣ, литогр. Александрова, съ помѣтой его имени. Пов. 131 — 136.

129. КУРИЛЬЩИКЪ, въ ростъ, въ правой рукѣ дымящійся чубукъ, внизу подпись: d'après (монограмма Орловскаго) par Fersen. Въ листѣ.

130. БРЫЗГАЛОВЪ съ дѣтьми. Въ м. листѣ.

Въ собраніи Е. Е. Рейтерпа этотъ листъ значится подъ фамиліей Свѣркалова, коменданта Петропавловской крѣпости. Въ виду того, что едва ли комендантъ крѣпости могъ позволять себѣ показываться въ такомъ смѣшномъ видѣ, и что никакого коменданта подъ такой фамиліей не было, я полагаю, что этотъ листъ представляетъ Брызгалова съ дѣтьми. (См. стр. 47).

131. БРЫЗГАЛОВЪ въ треуголкѣ съ косичкой. Въ очень б. листѣ, по грудь, безъ имени Орловскаго. Пов. 33.

132. БРЫЗГАЛОВЪ въ треуголкѣ съ косичкой и ботфортами проходить мимо Адмиралтейства. Внизу подпись: Lith d'après le dessin original d'Orlowsky. Въ м. листѣ. (См. стр. 47 — 49). Пов. 8 — 28 (11).

133. АВТОПОРТРЕТЪ ПОЯСНОЙ, въ черкескѣ и бараньей шапкѣ; онъ рисуетъ: Alexandre Orlowsky (его монограмма). Lith. v. Müller. Въ большой листѣ. Пов. 32.

134. КИРГИЗЪ ВЕРХОМЪ, влѣво; за плечомъ ружье съ двумя штыками. Лит. Helmsen.

Вѣроятно скопированъ Гельмерсеномъ съ рисунка Орловскаго. Дружка № 3, но безъ года.

135. SEIGNEUR PERSAN. Orlowsky del. Lith. de Engelmann et Co. Leborne lith.

Персианецъ верхомъ, вправо; сзади еще двое тоже верхомъ.

136. ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ КАФТАНѢ съ косичкой, съ большой тростью подъ мышкой, въ чулкахъ и башмакахъ въ ростъ, вправо. Внизу подпись. Lith d'après le dessin original d'Orlowsky. Пов. 8 — 28 (9).

137. ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ЦИЛИНДРОМЪ на головѣ и развивающимися изъ подъ него сѣдыми волосами, въ правой рукѣ трость; въ ростѣ влѣво. Внизу подпись. Lith. d'après le dessin original d'Orlowsky. Ров. 8—28 (8).

138. КИРГИЗЪ И БАШКИРЪ оба верхомъ, разговариваютъ; у перваго (спиной къ зрителю) за плечами колчанъ со стрѣлами, лукъ и пика.

139. ПЕРСИЯНИНЪ ВЕРХОМЪ, влѣво; на бѣлой лошади, въ круглой шапкѣ, отороченной мѣхомъ; за спиной колчанъ и лукъ, за поясомъ кинжалъ, сбоку шашка. Въ 6. листъ.

140. ПОСТОЯЛЫЙ ДВОРЪ. Въ большой листъ въ длину.

Подъ навѣсомъ справа стоитъ телѣга парой; слѣва стоятъ у парома двѣ лошади въ шлеяхъ; въ серединѣ группа изъ четырехъ мужичковъ: двое изъ нихъ пьютъ квасъ: пятый мужичекъ, извозчикъ, идетъ впереди съ хомутомъ на лѣвой рукѣ. На экз. Гельмерсена внизу написано: Copié nach Orlowsky von Alexandrow. Ров. 120 (5).

141. СТАРИКЪ ВЪ МЯГКОЙ ШАПКѢ, отороченной мѣхомъ, сидитъ профилемъ вправо въ креслѣ; лѣвая рука его приподнята. Безъ подписи: въ большой листъ.

Приписывается Орловскому, и въ его манерѣ. Ров. 120 (7).

142. ГОЛОВА БРИТАГО СТАРИКА въ парикѣ, дѣлающаго гримасу. Въ м. листъ.

Собрание Е. Е. Рейтерна.

143. * ПЛЫШИВЫЙ, смѣющаяся фигура. Поясное изображеніе. Ров. 8—28 (3).

144. * УДИВЛЯЮЩІЙСЯ, съ косичкой. Тоже. Ров. 8—28 (4).

145. ПОЛЬСКІЙ НИЩІЙ, съ большой палкой въ лѣвой рукѣ; обратился влѣво; сзади, справа карикатурная фигура офиціанта.

Листъ этотъ я видѣлъ въ собраніи Е. Е. Рейтерна. Ровинскій приписываетъ его Орловскому, безъ достаточнаго, какъ мнѣ кажется, основанія. Ров. 8—28 (10).

146. * ОТПУСКЪ ГРѢХОВЪ ВЪ ЧЕРНЯКОВѢ. (Колачковскій).

147. * МАТЬ, ЗАЩИЩАЮЩАЯ РЕБЕНКА отъ нападенія альпійскаго орла. Лит. Гурлимана. (Колачковскій).

Гуляка.

Бесѣда.

148. * ВЕТЕРАНЪ, сражающийся съ волкомъ, бросившимся на сына.
Лит. Гурлимана. (Колачковскій).

Ровинскій относитъ, какъ мнѣ кажется, неправильно къ работамъ Орловскаго: 1) голову испанца въ шапочкѣ со страусовымъ перомъ, съ монограммой М. D. Ров. 120 (4) и 2) Подвигъ Сычевскаго крестьянина (137). Последнее произведение онъ самъ, однако, признаетъ мало напоминающимъ манеру художника.

КНИЖНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

1. O LITIEWSKICH I POLSKICH PRAWACH. Czacki. О литовскихъ и польскихъ правахъ. Чацкій. 1800. Т. I.

Очень рѣдкая книга, въ концѣ которой приложены таблицы гравированныхъ монетъ. На таблицахъ II по XI включительно, значится: Orłowski fec. Ров. 29, 30.

2. АТЛАСЪ КЪ КНИГѢ DROUVILLE: VOYAGE en Perse pendant les années 1812 et 1813. — 1819. Два тома 4° и атласъ въ листъ.

Атласъ выдержалъ нѣсколько изданій (1819, 1820, 1823 и 1826). Подъ подписнымъ листомъ изданія 1819 г. сказано, что онъ напечатанъ для любителей въ числѣ 150 экземпляровъ, что онъ стоитъ 350 руб., и что вскорѣ появится въ Лейпцигѣ нѣмецкое изданіе съ тѣми же рисунками. — Къ Атласу приложенъ перечень рисунковъ, двѣ трети которыхъ исполнены Орловскимъ. (Ров. 57 — 97).

Къ I-му тому:

Впереди портретъ Персидскаго шаха Фотей-Али. Литографія Орловскаго безъ его имени.

1. Персіанинъ въ лѣтнемъ платьѣ; онъ держитъ въ рукѣ розань. (Тоже; № на картинкѣ нѣтъ).

2. Персіанинъ въ курткѣ (шубѣ); за поясомъ у него заткнутъ кинжалъ. (Тоже). Гравюра. Внизу: «Gravé par S. Galactionov».

3. Мирза въ церемониальномъ нарядѣ. Въ рукѣ у него и за поясомъ свертки бумагъ. Внизу: 1819.

4. Персіанинъ въ бархатномъ катеби, съ четками въ правой рукѣ. 1819.

5. Персидская дама въ тикменѣ. — Гравюра, рѣз. Галакціоновымъ.

6. Простодудия курдь, съ дубинкой въ рукѣ. 1819.

7. Персидская дама, съ букетомъ цвѣтовъ и четками въ рукахъ. Гравюра.

8. Персидская дама въ архалукѣ, безъ шази; въ рукѣ держитъ кувшинъ. Гравюра. Внизу: «Gravé par Beggrow».

9. Грузинка съ букетомъ розъ въ рукѣ. Внизу W. S. (Литографія Свебаха).

10. Черкешенка держитъ въ рукѣ лопатку. Гравюра.

11. Персидская дама; лицо ея закрыто чадрой: Gravé par Novikow.

12 и 13. Персіанка изъ простонародія; впереди ея собака; справа видны стѣны, окружающія персидскую деревню. 1819. Вверху два номера: 12 и 13.

14. № 14. Внутренній видъ Персидскаго Караванъ-Сарая. Внизу: Imp. B-w. Litograph. par Beggrow.

15. № 15. Внешній видъ Караванъ-сарая. Imp. Litograph. par Beggrow.

16. Персіянинъ, курящій кальянъ. 1819.
17. Персидскій обѣдъ; одиннадцать персіанъ ѣдятъ пилавъ; двѣнадцатый раз-
носятъ имъ ризъ. 1819.
18. Персіянинъ верхомъ, курить кальянъ (вошелъ въ коллекцію 6 рисунковъ).
19. Армянка, ведущая за руку ребенка. Гр. Шелковниковъ.
20. Туфанкчи; воинъ стоитъ опершись на виштовку; лѣвой рукой онъ дер-
житъ эфесъ сабли. 1819, б.) тоже съ монограммой S. W. (Свебахъ) и адресомъ
Бегрова.
21. Курдъ съ Гекарійскихъ горъ; идетъ влѣво, съ ружьемъ на плечѣ. 1819.
22. Несторіанка, съ кистью винограда въ рукѣ. 1819.
23. Калифа; несторіанскій епископъ, съ плетью въ правой рукѣ; въ лѣвой
держитъ за эфесъ саблю. 1819.
24. Шейхъ-уль-Исламъ, съ книгой въ рукѣ. Внизу: S. W. (Свебахъ литогр.).
25. Дервишъ съ палкой въ правой рукѣ; на лѣвой у него виситъ котелокъ
на цѣпи. 1819.
26. Факиръ, съ такимъ же котелкомъ на лѣвой рукѣ. Монограмма SW.
27. Жена шаха съ молодымъ персомъ, оба верхомъ.
28. № 28. Жены шаха, путешествующія въ тактиреванѣ (паланкинѣ) на
двухъ ослахъ. 1819.
29. Лошадь шаха; выводной держитъ ее подъ уздцы. Монограмма SW.
Ко II-му тому:
30. Наказаніе батогами по пяткамъ. 1819. Про этотъ рисунокъ и про всѣ
слѣдующіе (за исключеніемъ №№ 39, 40, 50, 57, 58 и 60) въ оглавленіи сказано:
«Dessiné lithographiquement par A. Orłowski». На №№ 3, 4, 6, 12, 16, 17, 21, 23, 25,
28, 30 и 31 находится монограмма Орловскаго.
31. Персидскій преступникъ, въ кандалахъ, идетъ за водой: 1819.
32. Персіянинъ въ придворномъ нарядѣ; въ правой рукѣ онъ держитъ раз-
вернутый свитокъ бумаги съ персидскою надписью. 1819.
33. Шахскій Голоашъ: воинъ всадникъ, стрѣляющій изъ виштовки на всемъ
скаку. 1819.
34. Накцарми-Баши; церемоніймейстеръ; онъ опирается правой рукой на
высокую трость; безъ монограммы Орловскаго.
35. Шоттеръ-Баши; начальникъ скороходовъ; въ правой рукѣ его трость,
перевязанная лентой. Безъ имени мастера.
36. Военная музыка; десять музыкантовъ съ духовыми инструментами и
двое съ литаврами. 1819.
37. Персидскій плясунъ. Безъ монограммы мастера.
38. Танцовщица. 1819.
39. Персидскіе атлеты (четверо); у каждого въ рукахъ по двѣ дублянки.
Грав. Шелковниковъ.
40. № 40. Борьба персидскихъ атлетовъ. Грав. Шелковниковъ.
41. Двѣ Персіанки, ѣдущія на богомолье; онѣ сидятъ въ двухъ кибиткахъ,
навѣшанныхъ на ослѣ, по обѣимъ сторонамъ сѣдла. Безъ монограммы Орловскаго.
42. Охотникъ съ собаками на сворѣ. Безъ монограммы.
43. Солдаты регулярнаго войска съ ружьемъ къ ногѣ. 1819.
44. Солдаты иррегулярнаго войска, съ копьемъ въ правой рукѣ; вдали
видны стѣны крѣпости. Безъ монограммы.

45. Драгуны, стрѣляющіе съ присошекъ (трое); четвертый держитъ лошадей. 1819.

46. Афшаръ (всадникъ), преслѣдующій турецкаго всадника, въ котораго онъ пускаетъ дротикъ. 1819.

47. Джонба, солдатъ иррегулярнаго войска; онъ держитъ правой рукой ружье къ погб; слѣва гора съ кустиками. 1819.

48. Солдатъ регулярнаго войска; на французскій манеръ, держитъ ружье къ погб лѣвой рукой. 1819. (Есть также картинка, грав. Шелковниковымъ).

49. Низамъ-Атли, персидскій уланъ; скачетъ влѣво, съ копьемъ въ рукб (съ флагомъ). 1819.

50. Два знамени съ изображеніемъ Льва и Солнца. Pl. 50. Гравюра.

51. Зомбарекъ (легкая артиллерія); на верблюдб; къ сбду придѣлана пушка. Безъ монограммы мастера.

52. Онъ же, стрѣляющій изъ пушки. Безъ монограммы.

53. Топчи изъ регулярной артиллеріи; онъ стоитъ съ банникомъ въ правой рукб; сзади видна пушка. 1819.

54. Сакасъ. Водовозъ. На ослб его навьючены два бурдюка съ водой. 1819.

55. Персидскія похоропы. Двойной листъ. 1819.

56. Курдъ несется вскачь, влѣво, съ копьемъ въ рукб. 1819.

57. Курдская жепщина въ гаремномъ нарядб; въ лѣвой рукб у нея букетъ цвѣтовъ, въ правой — платокъ; Грав. Шелковниковъ.

58. Она же во время прогулки; Грав. Шелковниковъ.

59. Семейство курдовъ въ палаткб. Большая картина въ двойной листъ. 1819. Справа два курда бесѣдуютъ за трубками, слуга наливаетъ имъ кумысъ; слѣва стадо овецъ, двб жепщины п два мальчика.

60. Карта Персіи, гравированная на мбди.

61. Персидскій стрѣлокъ; онъ стрѣляетъ изъ лука съ лошади; слѣва видны два всадника. 1819. *).

Почти всб рисунки Орловскаго были отпечатаны, до помбщенія ихъ въ Атласб, отдѣльными листами на плотной бумагб большого формата.

Ровинскій указываетъ, что ему извѣстны еще два изданія Друвилля, напечатанныя въ Парижб: MacCarthy. 1825. 2 vol 8°. fig. et carte. Въ немъ помбщено только небольшое число картинокъ Петербургскаго изданія. У Брюне оно поставлено 22 фр. 50 с. — и 2-е: Paris, Masson, 1828. 2 vol. 12°; въ этомъ послѣднемъ 8 раскрашенныхъ картинокъ. (8 фр.).

Между изданіями 1819 и 1820 г.г. (оба въ собр. Е. Е. Рейтерна) есть разница. Многіе изъ сюжетовъ были перерисованы, нѣкоторые же воспроизведены гравюрой, а не литографіей; самъ атласъ въ первомъ изданіи — въ форматб 4°, а не въ листъ. Главнѣйшія изъ измѣненій слѣдующія: въ первомъ изданіи № 3 — грав. Галактіоновымъ, 4 — Бегровымъ, 12 и 13, хотя тоже литографированы, но раздѣлены на два листа, 21 — съ монограммой Свебаха вмѣсто Орловскаго, 23 — грав. Дербеккомъ, 30 — Des. et lith. par Shimper, 48 — грав. Шелковниковымъ, 53 — грав. Дербеккомъ, 61 — не имѣется.

*) На №№ 32, 33, 36, 38, 43, 45 — 49, 53 — 56, 59 и 61 поставлены монограммы Орловскаго.

3. COSTUME OF PERSIA Drawn from nature by A. Orłowski and on stone by... (не конченная надпись). C. Hullmandel inv. et delit, Netherclift scrip^b. London published et sold by Rordwell and Martin, New Bond st, 1820. Printed at C. Hullmandel's Lithographie Establishment, 51 great Marlborough St.

Это заглавіе иллюстрированной обложки (вожакъ съ верблюдомъ у пальмы) переизданныхъ и перерисованныхъ въ Лондонѣ рисунковъ Орловскаго и Свебаха на путешествіе Дривилля. Въ него вошли 24 рисунка, а именно №№ 4, 5, 9, 16, 18, 20, 24, 26, 30, 31, 33, 35, 36, 37, 38, 44, 46, 51, 53, 56, 57, 61 изъ атласа, портретъ шаха оттуда же, и Персіянинъ верхомъ изъ Collection de dessins.

4. CHOIX DE VINGT-CINQ LITHOGRAPHIES, dessinées par M. Alexandre Orłowski, extraites du nouveau voyage en Perse de G. Drouville. Pour servir de modèles de dessins aux amateurs A. St Pétersbourg, au dépôt lithographique, chez A. Pluchart, Imprimeur-libraire, Grande-Morskoy, № 84, 1820. Въ листъ, въ длину.

25 литографій, выбранныхъ изъ путешествія Дривилля. Полнаго экземпляра я не видѣлъ.

5. ЧЕТЫРЕ БАСНИ И. КРЫЛОВА съ неизданными рисунками А. Орловскаго. Спб. Кругокъ любителей русскихъ изящныхъ изданій. 1907 — 4°.

Четыре рисунка въ текста къ баснямъ: Конь и Всадникъ, Квартетъ, Собачья дружба и Демьянова Уха и три вишѣтки въ текстѣ къ первой, третьей и четвертой баснѣ. Есть оттиски рисунковъ на японской бумагѣ. Рисунки взяты изъ собранія Е. Г. Шварцта и воспроизведены фототипіей.

РУССКАЯ КАРИКАТУРА

КНИГИ I, II и III.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ

К Н И Г А П Е Р В А Я

В. Ф. ТИММЪ.

- Аали-Паша—79.
 Абабковъ—71.
 Абдуль-Меджидъ, султ.—76.
 Абдуррахимъ—86.
 Абдуррахманъ—86.
 Агинъ—96.
 Адамъ—71, 94.
 Адипъ-Бей—75.
 Айвазовскій—47, 75, 77, 78, 83, 85, 88.
 Александра Феодоровна, имп.—80, 81, 85, 87.
 Александръ Николаевичъ, вел. кн.—85.
 Александровъ—92.
 Александръ Невскій—89.
 Александръ I—71, 83.
 Александръ II—55, 65, 80, 82.
 Александръ, еписк. арханг.—83.
 Алексѣевъ—68.
 Алексѣй Михайловичъ, царь—80, 83.
 Альберъ—64.
 Альбрандтъ—69.
 Андрей Первозванпый—84.
 Андреянова—29, 30, 66, 94.
 Андрониковъ, кн.—76.
 Анненскій—71.
 Антоній св.—85.
 Антоновъ—92.
 Аргутинскій-Долгоруковъ—70.
 Арнольдъ—90.
 А. С. Г—я, княжна—74.
 Аскольдъ—90.
 Багандъ—65.
 Багговуть—75.
 Багратіонъ, кн.—76, 83.
 Байдеманъ—56.
 Баклановъ—78.
 Бальфъ—74.
 Баран-де Илье—76.
 Барановскій—56.
 Барклай-де-Толпи—73.
 Барятинскій, кн.—71, 75, 86.
 Басинъ—50, 83, 94.
 Башудкій—24, 93, 94.
 Бебутовъ—75.
 Безрукъ—81.
 Бельгардтъ—76.
 Бенедиктовъ—82, 92.
 Бергъ, ген.-алъют.—71, 79.
 Берпардскій—63, 92, 96.
 Бестужевъ—92.
 Бирюлевъ—77.
 БIANки—75.
 Бланшаръ—65.
 Боберъ—81.
 Боголюбовъ—46, 56, 75, 76, 77, 88, 89.
 Богумилъ—90.
 Бозио—50, 85.
 Бокачевъ—95.
 Боровиковскій—58.
 Бородаевъ—70.
 Бородинъ—92.
 Боссе—56.
 Бочаговъ—66.
 Бочаровъ—63.
 Брамбеусъ—93.
 Брезе—56.
 Бриммеръ—78.
 Бруни—48, 50, 83, 87, 91.
 Брунновъ—79.
 Брюлловъ, ученикъ—55.
 Брюлловъ, А.—93.
 Брюлловъ, К.—48, 56, 72, 75, 80, 81, 88, 93, 94.
 Брянскій—73.
 Булгаринъ—24, 34, 42, 44, 45, 49, 63, 64, 66, 67, 73, 92, 93, 98.
 Буль-Шауештейпъ, гр.—79.
 Буркеней, бар.—79.
 Бухвостовъ—70.
 Бучкѣвъ—70.
 Бѣгичевъ—92.
 Бѣлинскій—17, 91.
 Бѣлкинъ—82.
 Валевскій, гр.—79.
 Валуевъ—88.
 Вальтеръ—65.
 Варгунинъ—65.
 Варнаховскій—75.
 Василенко—77, 78.
 Василий Великій—84.

- Васильевъ—56, 86.
 Васильчиковъ, кн.—78.
 В. В. В.—94.
 Веймаръ—79.
 Веймаръ—66.
 Веллизарій—94.
 Веллингтонъ—73.
 Вельдтманъ—92.
 Вендтъ фонъ—91.
 Венеціановъ—48, 90.
 Веневскій—50, 70.
 Веревкинъ—92.
 Верне Орасть—10, 44, 48, 50, 70, 71, 85, 88.
 Верстовскій—81.
 Викторія, королева—70.
 Вилламарица, марк.—79.
 Виллье 2—69.
 Вильямсъ—78.
 Виштергальтеръ—87.
 Виртембергскій, принцъ—71, 81, 82.
 Витали—50, 85.
 Віардо—50, 64, 73.
 Владиміръ Александров., вел. кн.—80.
 Владиміръ, Святой—90.
 Воейковъ—79.
 Волконская, кн.—74.
 Волконскій, князь—73, 89.
 Вонифантьевъ—62.
 Воронцовъ, кн.—75, 80.
 Врангель—77.
 Вранкенъ—73.
 Вревскій—79, 84.
 Вьельгорскій—72, 79.
 Гаварни—8, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 67, 82, 83, 84, 86, 87.
 Гагаринъ, кн.—46, 52, 64, 65, 75, 76, 77, 78, 81, 89, 90, 91.
 Гагинъ—91.
 Гайдъ-Паркеръ—76.
 Гамселенъ—76.
 Гардиеръ—81.
 Гартманъ—56.
 Гасфертъ—75.
 Гау—94.
 Гацфельдтъ—79.
 Гвоздовъ—86.
 Геденовъ—66.
 Гедике—56.
 Гейденъ, гр.—69.
 Гейтманъ—89.
 Генперихъ—81.
 Георгій Мекленбургскій—69.
 Гергардтъ—91.
 Германъ—72.
 Гилленшмидтъ—72.
 Гиллеръ—91.
 Глипка—50, 81, 82.
 Гиѣдичъ—75, 89.
 Гобертъ—65.
 Говардъ—68.
 Гогардтъ—8.
 Гогенфельденъ—56.
 Гоголь—16, 23, 71, 75.
 Годуновъ—67, 83.
 Гойа—8.
 Гольбейнъ—21.
 Гончаровъ—49, 85.
 Горбуновъ—91.
 Горина—66.
 Горчаковъ—49, 71, 76, 77, 78, 79.
 Горшельтъ—47, 86, 88.
 Готье, Теофиль—50, 85.
 Граббе—73.
 Гредлю—30, 66.
 Греймъ—92.
 Грѣнь—71.
 Гречъ, А.—24, 34, 49, 63, 64, 67, 73, 92, 93.
 Гречъ, П. ген.-майоръ—69.
 Григорій, митрополитъ—87.
 Григоровичъ—49, 56.
 Григорьевъ—82.
 Гризи—50, 71.
 Гриммъ—78.
 Грипева—91.
 Гродько—70.
 Гроссъ—78, 79.
 Гротенгельмъ—73.
 Гротъ—64.
 Гумбольдтъ—50, 85.
 Гуру—61.
 Гусева—50.
 Гюбперъ, бар.—79.
 Давидъ, св.—84.
 Дависонъ—90.
 Давлуи—71.
 Давыдовъ—92.
 Даламберъ—62.
 Даль—24, 63.
 Дапенбергъ—76.
 Даргомыжскій—50, 74.
 Даціаро—41, 60, 62.
 Дезарно—93.
 Деларошъ—88.
 Демидовъ—70, 85, 93.
 Дерикеръ—24, 65, 92.
 Державинъ—62.
 Димченко—77.
 Дмитріевъ—56.
 Дмитріевъ-Свѣчинъ—74.
 Дмитрій Допской—72.
 Добролюбовъ—91.
 Добужинскій—99.
 Домье—8.
 Долицетти—94.

Доннеръ—77, 91.
Дороговъ—73.
Дружининъ—85.
Дулькень—72.
Дундасъ—76.
Душкина—66.
Дюма—50, 85.

Евгенія, импер.—82.
Евдокимовъ, гр.—85.
Егоровъ—72.
Екатерина II—83, 90.
Екатерина Михайловна, вел. кн.—69.
Елена Павловна, вел. кн.—74.
Елисеѣвъ—77.
Ермоловъ, А.—88.
Ефронъ—55.

Жакотэ—62.
Желѣзновъ—75.
Жерве—82.
Жеромъ—48, 88.
Житневъ—94.
Жуковский, В. А.—72, 75, 89, 90.
Жуковский, Р.—92, 96.
Журавскій—86.

Загоскинъ—72, 79, 92.
Зайка—77.
Зайковскіе—75.
Зайцевъ—76.
Залеманъ—85.
Зарубинъ—91.
Заурвейдъ—9, 47, 55, 56, 69, 88.
Зедделеръ—72.
Зейдицъ—74.
Зеленцовъ—95.
Зичи—47, 65, 86.
Зотовъ—29, 66, 92, 94.
Зюзинъ—33.

Ивановъ, А.—48, 83, 91, 95.
Игнатъевъ, Н.—89.
Излеръ—68, 72.
Иловайскій—72.
Ильицъ—61, 82.
Ильичъ—65.
Инокентій, архіеп.—81.
Ирина св.—84.
Исаковъ—64, 65.
Исленьевъ—74.
Истомина—29.
Истоминъ—48, 78.

Юанна д'Аркъ—80.
Юаннъ III—80.
Юаннъ Грозный—90.
Юаннъ Предтеча—84.
Юаннъ, св.—86.

Кавось—81.
Кавуръ, гр.—79.
Каземъ-бекъ—86.
Камепскій—92.
Кампе—67.
Канконенъ—77.
Карамзинъ—75.
Каратыгинъ—50, 64, 71, 73.
Кариматъ—90.
Карлъ I—88.
Карлъ Смѣлый—94.
К. Б.—89.
Келлеръ—94.
Кенигъ—62.
Кербедзъ—86.
Кериматъ—88.
Керпъ—82.
Кетли—94.
Кларендопъ—79.
Клодтъ, бароны—24, 34, 48, 50, 55, 63,
64, 65, 67, 74, 81, 85, 88, 90, 93, 98.
Ковадевскій—81, 85.
Ковригинъ—96.
Ковязинъ—86.
Кокоревъ—79.
Колосова—66.
Кольцовъ—88.
Кони—94.
Константипъ Николаевичъ, вел. кн.—85.
Контскій—50, 74.
Корадини—78.
Корниловъ—48, 75, 78, 81.
Коробовъ—87.
Королевъ—72.
Костомаровъ—87.
Котляревскій—72.
Котоминъ—66.
Коули—79.
Коцебу—9, 83.
Кошаровъ—88.
Кошка, матросъ—48, 77.
Краевскій—85.
Крафтъ—86.
Кромвель—88.
Круковский—72, 83.
Крыловъ—64, 74, 75, 89, 92.
Кудрявцевъ—76.
Кузнецовъ—91.
Кукольникъ—24, 63, 71, 75, 92.
Кулибинъ—86.
Куприяновъ—71.
Кутузовъ—79.
К. Ш.—67.
Кумелевъ-Безбородко, гр.—56.
Кюн—91.

Лаблашъ—50, 73.
Лавель—93.
Лавровъ—81.

Лагорио—56, 89, 90, 91.
Ладюрперъ—93.
Лажечниковъ—49, 82.
Лазаревъ 1—70, 78, 82.
Лайковъ—55.
Лаперузъ—85.
Лашукъ—94.
Левисъ—72.
Левицкій—38.
Лемерсье—62.
Леонаръ—74.
Лермонтовъ—90.
Либрихъ—56.
Ливендаля—79.
Лидерсъ—71, 76, 79.
Лицкъ—24, 63, 65, 92.
Липранди—77.
Ломоносовъ—88.
Луаръ—62.
Людвигъ—62.
Людвигъ Карлъ, кор. Бав.—83.
Людвикъ Филипъ—55.
Львовъ—24, 56, 72, 82.
Льдовъ—94.

Магометъ Амиръ—86.
Магометъ Бей—79.
Магометъ Шеффи—86.
Майдель—78.
Майковъ—50, 82.
Максимилианъ Лейхтенбергскій, герцогъ—73.
Максимовъ—89.
Максутовъ, князь—56.
Мантейфель, гр.—79.
Манюкинъ—70.
Маринъ—75.
Маріо—70.
Марія Александровна, имп.—65, 80, 82.
Марія Николаевна, вел. княгиня—10, 74.
Марія, королева Сициліи—88.
Марковъ—92.
Маркъ-Вовчокъ—86, 87.
Мартыновъ—50, 72, 87.
Марѳа Іоанновна—81.
Масальскій—92.
Масловъ—24, 96.
Матвѣевъ—78.
Мауреръ—94.
Мезепцовъ—81.
Мейендорфъ—79.
Межевичъ—67, 94.
Мельниковъ—85, 86.
Меньшиковъ, кн.—49, 74.
Мерикъ—71.
Местръ, гр.—72.
Микѣшинъ—47, 62, 89.
Миллеръ—56.
Митрайтеръ—62.

Митрофанъ, Сворхъ—69.
Михайловскій-Данилевскій—92.
Михаилъ Николаевичъ, вел. кн.—73, 78, 81, 85.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь—70, 80.
Можайскій—81.
Моллеръ—48, 90, 91.
Молчановъ—68.
Монигетти—56, 65.
Монферанъ—50, 83.
Муравьевъ 3—84.
Муравьевъ - Амурскій, гр.—78, 84, 85, 89.
Мушаверь-Паша—78.
Мюллеръ—62.
Мюнстеръ—47, 67.
Мюссаръ—55.
Мятлевъ, П. П.—15, 16, 17, 18, 21, 22, 26, 32, 33, 63, 92.

Надеждицъ—92.
Наджаватъ—86.
Нана-Саибъ—68.
Наполеонъ I, 86.
Наполеонъ III—68, 76, 82, 84.
Нафисаль—86.
Нахимовъ—48, 78, 79.
Неваховичъ—66.
Неймапъ—55, 56.
Некрасовъ—49, 82, 95.
Непиръ—76.
Верула—70.
Нессельроде, гр.—49, 74.
Несторъ, лѣтописецъ—86.
Неттельгорстъ—24, 63, 65, 92, 93, 96.
Неффъ—48, 83.
Никитинъ—50, 88, 91.
Никитинъ (тащ.)—94.
Николай I, имп.—29, 49, 55, 68, 77, 78, 81, 82, 83, 85, 86.
Николай Александр., цесаревичъ—86, 89.
Николай Николаев., вел. кн.—72, 74, 78, 81, 85.
Николай Чудотворецъ—87.
Новиковъ—81.
Новоселовъ—70.
Ностицъ, гр.—80.

Оберъ—94.
Ободовскій—92, 94.
Огаревъ—78.
Олегъ, вел. кн.—87.
Ольга Ѳеодоровна, вел. кн.—82.
Ольхинъ—63, 66, 92, 93, 96.
Омеръ-Паша—76.
Орбеліани, кн.—75, 76.
Орловъ, гр.—79.
Османъ-Паша—75.
Остень-Сакепъ, бар.—76.

- Павелъ I—71, 83.
 Павловы—76, 80, 90.
 Павлюкъ—68.
 Пальмерстонъ—76.
 Панаевъ—49, 66, 82, 92.
 Папфиловъ—78.
 Паниютинъ I—71.
 Парфентьевъ, 65.
 Пассекъ—71.
 Паскевичъ-Эриванскій, графъ—71, 78.
 Пастрана, Юлія—68.
 Пелвсье—79.
 Пельхау—80.
 Перелѣшинъ, М.—82.
 Перелѣшинъ, П.—82.
 Перепелевскій—94.
 Петерсенъ—91.
 Петровы—55, 89.
 Петръ Великій—69, 72, 73, 74, 81, 85, 87, 90, 91.
 Петцольдъ—6, 56, 97.
 Писемскій—85.
 Плюшаръ—67.
 Повадо-Швейковскій—75.
 Погодинъ—87.
 Полевой—34, 64, 75, 92, 98.
 Подонскій—56, 85.
 Полторацкій—61.
 Поль—66, 94.
 Поповъ—56, 80, 82.
 Порре—93.
 Працъ—66, 96.
 Премацци—56.
 Прохоровъ—91.
 Путятинъ, гр.—84.
 Пушкинъ—29, 67, 75, 84, 89, 92.
 Цфабъ, Эмилиа—11.
 Рагланъ—76.
 Радекій, гр.—82.
 Радцихъ—64.
 Рамазановъ—85.
 Раппо—72.
 Растринъ—76.
 Раффе—84, 87.
 Рашель—50, 75.
 Реадъ—79.
 Ребровъ—90.
 Ревильонъ—64, 65, 68.
 Рейтернъ—60.
 Ретклифъ—76.
 Решидъ-Паша—76.
 Ридигеръ, гр.—71, 79.
 Рикордъ—69.
 Рипицынъ—81.
 Ристори—50, 88.
 Риццони—56.
 Рокотовъ—38.
 Роллеръ—94.
 Романовы—52, 81.
 Рубини—72.
 Рубіо—62.
 Рыбаковъ—77.
 Рыбаченко—81.
 Рыбинскій—46, 72.
 Рындинъ—70.
 Рюхипа—66.
 Сабать—94.
 Савва, свят.—84.
 Сазпковъ—70.
 Салтыковъ, кп.—82.
 Самойлова—70, 94.
 Самойловъ—56.
 Самокатовъ—81.
 Санъ-Донатто—87.
 Сапожниковъ—93.
 Сверчковъ—56, 62, 73, 77, 78, 81, 91.
 Свининъ—92.
 Севастьяновъ—84.
 Сельванъ—76.
 Семеновъ, О.—86.
 Сентъ-Арно—76.
 Сеньковскій—92.
 Сивербрикъ—73.
 Сигзмундъ—79, 80.
 Синеусъ—85.
 Сипягинъ—60, 61.
 Сироткинъ—73.
 Скарятинъ—73, 75.
 Скачковъ—68.
 Скобелевъ—92.
 Слѣпушкинъ—88.
 Слѣпцовъ—71.
 Смирдинъ—92, 93.
 Смирнова—94.
 Снозиковъ—75.
 Соймоновъ—77.
 Соколовъ—47, 50, 55, 86, 87, 89, 90.
 Сокологубъ, гр.—49, 82, 95.
 Соловьевъ—68.
 Соріель—65.
 Сорье—62.
 Сосницкій—50, 89.
 Ставассеръ—72.
 Старковъ—76.
 Строгановъ, гр., А.—56.
 Строевъ—94.
 Суворовъ—41, 64, 93, 98.
 Сусанянъ—70.
 Сухаревъ—69.
 Сушенко—68.
 Сысоева—66.
 Сѣряковъ—91, 94.
 Сю, Евг.—64.
 Тайхель—65, 80.
 Талеирапъ—69.

- Тальони—29, 94.
 Тамбурины—64.
 Тевшовъ—60, 62, 64.
 Теляшева—29.
 Тидебель—80.
 Тимашевъ—63, 83.
 Тимофѣевъ—78.
 Титовъ—78.
 Титони—80.
 Тихоновъ—70.
 Тихонъ, свят.—90.
 Толстой, гр.—82, 93.
 Томъ—72.
 Тотлебенъ—48, 77, 81.
 Трей—67.
 Трутневъ—78.
 Трутовскій—47, 56, 85, 86, 87, 88, 90.
 Тургеневъ—49, 82.
 Тускари—88.
 Тюлевъ—63, 95.
 Тютрюмовъ—56.
 Усовъ—86.
 Ушаковъ—92.
 Фариковъ—92.
 Фарпсюкъ—81.
 Фатиматъ—86.
 Федоровъ—94.
 Федотовъ—48, 74.
 Фенди—71.
 Флзаретъ, митроп.—82.
 Филипповъ—76, 77, 78, 79, 81, 83, 84, 91.
 Фишеръ—93.
 Флеровскій—91.
 Францискъ II, кор. Сициліи—88.
 Францъ-Иосифъ, имп.—82.
 Фрейгангъ—93.
 Фрейтагъ—73.
 Фридрихъ-Вильгельмъ, принцъ—84.
 Фурманъ—96.
 Хаджи-Муратъ—84.
 Хаджіо-Мюридъ—86.
 Хардюковъ—68.
 Хмѣльницкій—92.
 Хрисовери—76.
 Хрулевъ—73, 77, 81.
 Хрушовъ—80.
 Худяковъ—89.
 Цецилія, Баденская принцесса—82.
 Цурикъ—81.
 Чавчавадзе, кн.—76, 84.
 Чеглоковъ—77.
 Черневъ—69.
 Чернецовъ—89.
 Чернышевъ—46, 56, 70, 72, 73, 74, 89.
 Чихачевъ—85.
 Чмутовъ—84.
 Чумаченко—81.
 Шамиль—84, 86, 90.
 Шампань—62.
 Шарлемань, братья—47, 77, 78, 81, 82, 83, 85, 86, 87, 89, 90, 91.
 Шаховской—92.
 Швабе—56.
 Шванъ—82.
 Шварцъ—82.
 Шведъ—90.
 Шебуевъ—50, 83.
 Шевченко—65, 88, 93.
 Шенкъ—94.
 Шереметевъ, гр.—80.
 Шильдеръ—76.
 Ширсингъ—82.
 Шляева—94.
 Шишковъ—92.
 Шлейфохтъ—94.
 Шмигтъ—66, 94.
 Шобергхеръ—66.
 Шрейндеръ—94.
 Штакеншнейдеръ, проф.—56.
 Штакеншнейдеръ 2—55.
 Штакеншнейдеръ 3—56.
 Штейбенъ—83, 84.
 Штернбергъ—46, 70.
 Штиглицъ, бар.—68, 73.
 Шуапатъ—86.
 Шульгофъ—70.
 Шуманъ—56.
 Щеголевъ—76.
 Щедровскій—65.
 Щербина—50, 56, 65, 82.
 Эйсеръ—56.
 Эльканъ—64.
 Эристовъ, кн.—78.
 Юнгмейстеръ—62, 63, 66.
 Язвинскій—96.
 Ярославъ, вел. кн.—83.
 Оедорова—66.

КНИГА ВТОРАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.

- Адарюковъ—126, 138.
Акимовы—53, 100.
Александръ I импер.—14, 29, 35, 58, 61,
62, 127, 130, 173, 177—179.
Аракчеевъ—29.
Арсеньевъ—25.
Атилла—117.
- Бенигсенъ—110.
Бенуа, А.—102.
Бертъе—121, 125, 131, 136, 138, 159.
Блюхеръ—138.
Богарне—136.
Богучаровъ, М.—109, 115.
Борноволокъ—100.
Борнъ, П.—15.
Бородницъ—179.
Булгаковъ—107, 111, 160—162.
Бѣлоусовъ—171.
- Ваидамъ—106.
Ваулинъ, П.—74.
Веллингтонъ—172.
Венедіановъ—33, 50.
Винценгероде—106.
Витгенштейнъ, гр.—166.
Вихревъ—115, 160.
Воейковъ, А.—101.
Волковы,—15, 118.
Волконскіе, кн.—66, 78, 116.
Воротилловъ—100.
Востоковъ, А.—8, 10, 13, 15, 17, 18, 20,
23, 26, 30, 54, 82, 85, 86, 89, 90, 92,
95, 97, 100, 102, 179.
Врангель, бар. Н.—101, 102.
Вяземскій кн., П.—101, 172.
- Галактионовъ, С.—74, 116, 177, 179.
Геннади—61, 152.
Гѣте—95.
Гогартъ—96.
Гоголь—58.
Голенищевъ-Кутузовъ, кн.—126.
Голицыны, кн.—66.
Головачевскій—73.
Гранэ—57.
Грачевъ, А.—177.
Гречъ, Н.—16.
- Даву—111, 136, 144, 150.
Даль—105.
Дейнертъ—171.
Демуть-Малиновскій—30, 178.
Дениска—152.
Державинъ—29, 179.
- Дмитріевъ, В.—15.
Долгоруки кн.—66, 92.
Донаурова—95.
Дубровинъ—100, 101.
Дюрокъ—154.
- Екатерина II—19.
Елагинъ, Н.—130.
Ефремовъ, П.—105.
- Жуковскій—178, 179.
- Завадовскій, графъ—58, 59.
Захаровъ—100.
- Ивановы—15, 50, 83, 102, 177—179, 180.
Иверсенъ—101.
Измайловъ, А.—53, 96.
Иловайскій—173.
- Калянинъ—171.
Карамзинъ—29, 90.
Карелли—152.
Карлъ XII—116.
Кашенковъ, П.—100.
Кенпенъ—179.
Коленкуръ—143, 154.
Кондратьевъ, К.—116, 126.
Король Римскій—116.
Красовскій, В.—15.
Кромвель—117.
Крукишанкъ—45, 126, 128, 130, 138, 150, 157.
Крыловъ, Пв.—82, 83, 85, 116, 177, 179.
Крыловъ, Н.—171.
Кулибинъ—177.
Куракинъ, князь—58, 59.
Кутузовъ—143, 160, 173, 177.
- Лавровъ—105.
Лансерс—100, 183.
Ланскал—118.
Лапнъ, В.—158.
Лео, А.—183.
Лепнихъ—142.
Лефевръ—111.
Липранди—105, 108—111, 115—118, 121—
123, 125, 126, 128—130, 132, 135—138,
141—143, 145, 149—154, 157—162,
165—167.
Лористонъ—157.
Львовъ, Н.—77.
- Магницкій—29.
Макдональдъ—141.
Максимовъ—100.

- Мазининъ—171.
 Марія Феодоровна, импер.—29.
 Мартосъ—99.
 Мейеровичъ—26.
 Мешерскіе, кн.—66.
 Михайловъ, М.—15.
 Моисеевъ, П.—30, 100.
 Муравьевъ, Н.—26.
 Мюратъ—43, 117, 136, 152, 173.
 Наполеонъ I—32, 34—38, 41—43, 48—52, 59, 62, 65, 81, 102, 107, 109—113, 116—118, 121—126, 128—132, 135—138, 141—146, 149—154, 157—159, 160—162, 166, 167.
 Ней—41, 111, 116, 117, 132, 136, 150.
 Нейеръ, Ф.—130.
 Неропъ—117.
 Несвидкіе, кн.—66.
 Николай I, импер.—105, 107, 159.
 Николай Михайловичъ, Вел. кн.—105.
 Новосилецъ—14.
 Оболенскіе, кн.—66.
 Озеровъ—85, 177, 178.
 Озенинъ, А.—78, 109, 116, 178.
 Опшерманъ—130.
 Отрепьевъ, Гришка—110.
 Павелъ, императоръ—14, 30.
 Панаевъ—85, 178.
 Пети, П.—171.
 Петровы,—81, 177.
 Петръ I—19, 30, 59, 99, 100, 173.
 Плавильщиковъ—115, 126, 143, 144, 172.
 Платовъ, гр.—115.
 Погодинъ—105.
 Погонкинъ—171.
 Понятовскій—144.
 Поповъ, А.—136.
 Поцугаевъ—15—19, 23, 26, 29, 100.
 Прохоровъ—128, 149.
 Приишниковъ, М.—116.
 Пугачевъ—117.
 Пушкаревъ—180.
 Пушкинъ, А.—68, 179.
 Пятковскій—100.
 Пюисбюскъ—160.
 Раднихъ—171.
 Разумовскій, А. гр.—99.
 Раstopчинъ, гр.—111, 112, 118, 127, 142.
 Р. В. Л.—108.
 Рейтернъ, Е.—74, 105—107, 159, 162, 167, 171.
 Ровинскій—43, 59, 61, 74, 101, 105—107, 109—112, 115—118, 121—132, 135—138, 141—143, 145, 146, 149—154, 157—162, 165—167, 171, 174, 177, 180.
 Румянцевъ—173.
 Салтовъ, В.—107.
 Свиининъ—101.
 Спиевльничковъ—126, 177.
 Скотти, Д.—152.
 Сленинъ—53.
 Смирновы,—109, 110, 171.
 Собко, Н.—81, 173, 177, 179, 180.
 Соловьевъ, Н.—101.
 Сониковъ—61.
 Срезневскій, В.—100, 102.
 Степановъ—26.
 Строгановы—14, 53.
 Сухаревъ—20, 26.
 Сухомлиновъ—100.
 Тассъ—178.
 Тевяшовъ, Е.—105, 106, 110, 111, 116, 122, 130, 141.
 Теребелевы, семья—7, 53, 99.
 Тимковскій, П.—115, 144, 179.
 Тимофьевъ—83.
 Титова, Е.—168.
 Толстой, гр. О.—105, 108, 182.
 Траверсе, Н. маркизъ—99.
 Траншель—126, 130.
 Трубецкіе, кн.—66.
 Тупылевъ, П.—152, 154.
 Тургеневъ, А.—66, 68, 101.
 Тыраповъ—171.
 Тѣстовъ—171.
 Уваровъ, О.—67.
 Удино—136.
 Ухтомскій, А. кн.—177—180.
 Филимоновъ—85, 179.
 Фомиинъ, И.—111.
 Фонъ-Визинъ—92.
 Фотій, архимандритъ—29.
 Фридрици, И.—180.
 Хемницеръ—85, 92, 177, 179.
 Херасковъ—14.
 Хованскіе, кн.—66.
 Чарторьжскій—14.
 Чернышевъ, Г.—122.
 Ческій, С.—83, 178—180.
 Шальмэ—70, 118.
 Шварценбергъ—173.
 Шильдеръ—100.
 Шяшковъ—29.
 Штейнгель—159, 178.
 Щеголовъ—107.
 Щербатовы, кн.—66.
 Энгельгардтъ—178.
 Яковлевъ—105—107, 111, 160, 161, 162.

КНИГА ТРЕТЬЯ

А. О. ОРЛОВСКІЙ.

- Адарюковъ—75, 81.
 Александровъ—35, 78, 79, 83, 84.
 Александръ, I.—16, 36, 70, 73.
 Александръ, III.—68, 101, 102.
 Аргутинскій-Долгоруковъ, кн.—68, 101, 102.
 Бахматовичъ—82.
 Беггровъ—76—78, 81, 85, 87.
 Бельнось—82.
 Бенуа—37, 63.
 Бильбасовъ—32.
 Богдапова—102.
 Богушевскій—26.
 Бойдель—75.
 Боравскій—64.
 Бочарели—13.
 Бромлей—73.
 Бруншъ—60.
 Бруни—103.
 Брызгаловъ—9, 46—49, 51, 83, 101, 102, 103.
 Булгаринъ—63.
 Буту—80, 102.
 Валицкій, гр.—16.
 Ванъ-Лоо—60.
 Венеціановъ—7, 61.
 Верне, Ж.—41.
 Витгенштейнъ, гр.—41, 73.
 Волконскій, П., кн.—23.
 Вонсиненки—82.
 Врангель, Н., бар.—63.
 Вуверманъ—37, 41.
 Вызджиголо—102.
 Галактіоновъ—76, 85.
 Гаммъ—81.
 Ганниъ—9.
 Гельмерсенъ—75, 77, 78, 83.
 Георгъ III, король Англіи—40.
 Германъ—80.
 Годбей—72, 73.
 Гоганъ—40, 75.
 Гойа—58.
 Гранвиль—17, 33.
 Гриму—60.
 Гурлиманъ—84, 85.
 Давыдовъ—41, 72.
 Дау—36.
 Дейтонъ—76.
 Денебекъ—26.
 Дербекъ—87.
 Джіованни ди Болонья—60.
 Дидло—32, 47.
 Литрихъ—69.
 Дмитревскій—73.
 Друвилль—41, 76, 85, 88.
 Друльеръ—78.
 Дюбургъ—72.
 Дю-Селопъ—50, 102.
 Екатерина Великая—6.
 Ершовы—20, 101.
 Ефимовъ—35, 76.
 Занкинъ—48, 49.
 Эборовскій—42.
 Зоннефельдеръ—34.
 Иглесонъ—73.
 Карделли—73.
 Касьяновъ—63.
 Кваренги—34, 50, 53, 74, 102, 103.
 Келлисипскій—73.
 Кипиэрль—71, 72.
 Кипрепскій—102.
 Кіарини—12.
 Козловъ—103.
 Колачковскій—64, 69, 73, 74, 84, 85.
 Коленкуръ—17.
 Кольманъ—79.
 Константинъ Павловичъ, Вел. Кн.—6, 16, 17, 24, 30, 33, 41, 76.
 Косииковскій—76—78.
 Костюшко—40, 41, 74, 75.
 Крыловъ—41, 88.
 Кулибинъ—103.
 Кутузовъ-Голенищевъ, кн.—41, 73.
 Лагода—70.
 Леборнъ—83.
 Лебшэ—80.
 Лемерсье—82.
 Лессеръ—13.
 Ловичъ, княгиня—41.
 Ломтевъ—103.
 Лонгманъ—69.
 Макъ-Карти—87.
 Мартинъ—76, 88.
 Массонъ—87.
 Мемлинъ—60.
 Мещерскій, В.—48.
 Милорадовичъ, гр.—50.
 Мирановскій—64.
 Михаилъ Павловичъ, Вел. Кн.—78, 101.
 Мицельскій—64.

Мицкевичъ—16, 18, 20, 28, 42.
Мольено—74.
Моравскій—27—29, 33, 64.
Мюллеръ—81, 83.

Наполеонъ I—17, 22, 23, 29.
Нарбутъ—101, 105.
Нарышкинъ—20, 39.
Незерклифтъ—88.
Нерадовскій—68.
Николай I—16, 23, 41.
Н—нъ—46.
Новиковъ—85.
Норбленъ—7—13, 54, 57, 58, 101.

Озембловскій—82.
Оленинъ—20, 102.
Олешкевичъ—49, 50, 102.
Олсуфьевъ, Д.—34.
Ольшевскій—64.
Опочининъ—33.
Ормъ—70, 71, 73.
Офенбергъ—26.

Павель I—40, 47, 74, 75.
Пеншонъ—70.
Петито—60.
Петровъ—63, 70.
Пиварскій—73.
Пиль Форція—8, 63.
Платовъ, гр.—41, 73.
Плюшаръ—17, 76, 78, 79, 81, 88.
Подчашинскій—64.
Поль—78.
Понятовскій, I.—гр., 14, 39, 40.
Поттеръ—37.
Пржедлавскій—24, 63.
Пушкинъ—А., 31.
Пыляевъ—63.

Радзивялль, княгиня—16.
Рамазаповъ—63.
Раставедкій—63, 64, 72, 74.
Рейтернъ—67, 68, 70, 76, 77, 79—84, 87,
101, 102, 103.
Рембрандтъ—37.
Риннердъ—70.
Рованскій—63, 67—74, 76—81, 83—85, 87.
Роза Сальваторъ—41.
Рордвель—76, 88.
Росленъ—60.

Роспини—17.
Рюксаль—37.

Савинскій—52, 102.
Сайтовъ—68.
С—бъ, гр.—47.
Сапѣга, кн.—20.
Свебахъ—85—88.
Сидоровъ—51, 52, 102.
Смаковскій—20.
Соколовскій—Е., 12, 101.
Станиславъ-Августъ—13.
Суворовъ—9, 101.
Суръ—74.

Тангофъ—35.
Татаркевичъ—64.
Тевяшовъ—68, 74, 101, 103
Теньеръ—37.
Теотокопули—60.
Теребенець—61.
Толстой, О.—гр., 20.
Тюкольникъ—82.
Томиловъ, А.—20, 37, 39, 51, 68, 102, 103.
Томояъ—102.

Урмонскій—103.

Феликсъ—78.
Ферзеиъ—83.
Фолино—13.
Фотей-Али—85.
Фьетти—15.

Хвощпнскій—101.
Х—въ, гр.—47.
Хульмандель—76, 88.

Чарторыжская, И., княгиня—7.
Чацкій—14, 58, 85, 103.

Шампень—Ф., 60.
Шварцъ—37, 68, 88, 101, 102, 103.
Шекспиръ—42.
Шелковниковъ—86, 87.
Шибель—25, 26.
Шимперъ—35, 87.

Щеголевъ—48.
Энгельмапъ—83.
Яковлевъ, С.—9.

ОГЛАВЛЕНІЕ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

1. ВНѢ ТЕКСТА.

	СТР.
1. Обложка. Въ рамкѣ, рис. Г. Нарбутомъ — фронтисписъ изъ «Album dédié au Grand-Duc Michel» (стр. 78). Собраніе Е. Рейтерна.	
2. Заглавный листъ, рис. Г. Нарбутомъ.	
3. Автопортретъ Орловскаго 1810 г., исполненный въ имѣніи Ершовыхъ подѣ Москвой. Рисунокъ. Собраніе В. Б. Хвошинскаго	4 — 5
4. Суворовъ въ походѣ. Рисунокъ. Собраніе Е. Г. Шварца .	8 — 9
5. Сцена въ корчмѣ. Орловскій съ шинкаркой на колѣняхъ и Норблець (старуха). Картина масломъ, собственность Е. Соколовскаго	12 — 13
6 и 7. Часовые Петропавловской крѣпости. Рисунки. Собраніе Е. Г. Шварца	16 — 17
8. Карикатуры, пейзажи и типы. Рисунки. Собраніе Е. Н. Тевяшова	20 — 22
9 и 10. Польскіе танцы начала XIX вѣка. Рисунки. Музей Императора Александра III	24 — 25
11. Переѣздъ на квартиру. Рисунокъ. Собраніе кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова.	26 — 27
12 — 14. Три фигуры, по срединѣ Брызгаловъ. Литографія. Собраніе Е. Е. Рейтерна	28 — 29
15 и 16. Хорунжій Вызджиголо. Кваренга. Рисунки. Музей Императора Александра III	32 — 33

17. Буту (?). Петербургскій портной. Литографія. Собраніе
Е. Е. Рейтерна 34 — 35
18. Петербургскій лихачъ начала XIX вѣка. Литографія. Изъ
того же собранія. 38 — 39
- 19 и 20. А. С. Сидоровъ, управляющій Томилова. Рисунокъ.
Собраніе Е. Г. Шварца.
- Кваренги съ фигурой Томона въ рукахъ. Рисунокъ, испол-
ненный на квартирѣ у Оленина: Кваренги — Кишренскимъ,
Томонъ — Орловскимъ. Собраніе кн. В. Н. Аргутинскаго-
Долгорукова 42 — 43
21. Воевода на Пыздрахъ. Литографія. Собраніе Е. Е. Рейтерна 44 — 45
22. Брызгаловъ. Поясной портретъ. Литографія. Изъ того же
собранія. 48 — 49
- 23 — 25. Конногвардеецъ и кавалергардъ, по срединѣ Олешке-
вичъ. Рисунки. Собраніе. Е. Г. Шварца 50 — 51
- 26 и 27. Савинскій, ксендзъ. Неизвѣстный. Рисунки. Изъ того
же собранія. 52 — 53
- 28 — 30. Дю-Селонъ, французъ-эмигрантъ. Аргистъ. Архитек-
торъ Кваренги. Рисунки. Изъ того же собранія. 56 — 57
31. Фронтиснись къ неизданному, вѣроятно, сборнику рисун-
ковъ Орловскаго. Рисунокъ. Изъ того же собранія 65
32. Автопортретъ Орловскаго, исполненный для Томилова. Тоже 68 — 69
33. Боньо и Деппэзансъ въ саду Мемсино. Надпись на рисункѣ
изъ собранія Е. Г. Шварца. 72 — 73
- 34 — 36. Вальторнистъ. Неизвѣстный. Трактирный слуга. Изъ
того же собранія. 76 — 77
- 37 — 39. Три головы, по срединѣ — пріятельница Томиловыхъ,
А. Богданова. Изъ того же собранія. 80 — 81
- 40 и 41. Гуляка. Бесѣда. Изъ того же собранія. 84 — 85

2. ВЪ ТЕКСТЪ.

1. Грифонажъ. Офортъ. Собрание Е. Рейтерна	5
2. Польская монета. Изъ книги Чацкаго (см. стр. 14)	7
3. Рисунокъ. Собрание Е. Г. Шварца	10
4. Тоже	13
5. Тоже	15
6. Тоже	18
7. Письмо Орловскаго къ Томилову, съ автопортретомъ Орловскаго. Собрание Е. Г. Шварца	21
8. Рисунокъ. Собрание Е. Г. Шварца.	24
9. Тоже	27
10. Польская монета. Изъ книги Чацкаго	30
11. Крокады 12 головъ Литографія. Собрание Е. Е. Рейтерна . .	35
12. Польская монета. Изъ книги Чацкаго	37
13. Рисунокъ. Собрание Е. Г. Шварца	42
14. Польская монета. Изъ книги Чацкаго	44
15. Брызгаловъ съ дѣтьми. Литографія. Собрание Е. Е. Рейтерна .	46
16. Кваренги, въ видѣ Амура. Рисунокъ. Собрание Е. Г. Шварца	51
17. Польская монета. Изъ книги Чацкаго	54
18. Рисунокъ. Собрание Е. Г. Шварца	57
19. Концовка, грав. Урмонскимъ 1813 г. Собрание Е. Н. Тевяшова	59
20. Рисунокъ. Собрание Е. Г. Шварца	60
21. Виньетка, грав. Д. Кулибинымъ. 1813 г. Собрание Е. Н. Тевяшова	62
22. Рисунокъ. Собрание Е. Г. Шварца	64
23. Тоже	67
24. Приглашеніе учениковъ Бруни, — Козлова и Ломтева на прощаль- ный вечеръ передъ отъѣздомъ въ Римъ. Офортъ. Собрание Е. Н. Тевяшова.	69
25. Виньетка изъ книги XVIII вѣка	88

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Русскія иллюстрированныя изданія. Спб. 1898.

РАСПРОДАНО.

Русскій книжный знакъ. Спб. 1902.

РАСПРОДАНО.

I. Русская Карикатура. В. Ф. Тиммъ. Спб. 1911.

Ц. 3 р. 50 к.

Русская жизнь въ эпоху Отечественной войны.

Спб. 1912.

РАСПРОДАНО.

II. Русская Карикатура. Отечественная война.

Спб. 1912.

Ц. 5 р.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACYJNYCH
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 75
Tel. 26-68-63

Обложку и заглавный листъ
рисовалъ Г. И. Нарбутъ.

ОТПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ - СИРИУСЪ - СПБ. РЫНОЧНАЯ УЛ., 10, ВЪ МАРТѢ 1913 Г.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ

Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. — МОСКВА.

BIBLIOTEKA IBL

F
20.790